

СМЕНА

№ 19 ОКТЯБРЬ 1977

**ПУСТЬ ВСЕГДА
БУДЕТ СОЛНЦЕ!**

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ СССР

ВКЛАД В ОБЩЕЕ ДЕЛО

Без труда нет добра, говорят в народе. И это верно. Все лучшее в мире сотворено человеческим разумом, крепкими рабочими руками. Наше общество, рожденное Великим Октябрем, утверждает труд как меру счастья, как высшую ценность. Он назван в проекте новой Конституции СССР источником общественного богатства, благосостояния народа и каждого советского человека. Не знатное происхождение, не богатство выделяют человека среди людей, а, как подчеркнуто в проекте, «общественно полезный труд и его результаты определяют положение человека в обществе». Эта формула органически вытекает из самой природы нашего общественного строя.

Можно смело назвать новаторскими те положения вынесенного на всенародное обсуждение проекта новой Конституции СССР, где целью и заботой общественного государства провозглашается всестороннее развитие личности, усиление творческого характера труда, сокращение, а в дальнейшем и полное вытеснение тяжелого ручного труда на основе комплексной механизации и автоматизации производства.

Мне думается, в проекте Конституции СССР совершенно верно сказано, что творческая активность трудящихся и социалистическое соревнование — важнейшие факторы роста производительности труда, повышения эффективности производства и качества работы, динамичного и пропорционального развития народного хозяйства. Мы, рабочие, хорошо понимаем, что от труда каждого из нас зависят общие результаты, а поэтому стремимся работать так, чтобы не было стыдно перед своими товарищами, перед своей совестью.

На собрании бригады многие рабочие, говоря о проекте Конституции, вносили предложение добавить в статью 16 следующие слова: «Коллективы трудящихся несут ответственность за результаты труда, качество выпускаемой продукции».

Наш экипаж экскаваторщиков прокладывает нефтяные трассы. С начала пятилетки уже выполнены три с половиной годовых нормы. Для меня начало обсуждения проекта новой Конституции СССР совпало с радостным событием — присвоением звания Героя Социалистического Труда. Это звание ко многому обязывает. Мы решили дать за пять лет не менее десяти годовых норм, ежедневно превышая производственное задание вдвое. Творческой, ударной работой мы ответим на заботу Коммунистической партии и Советского государства о людях труда.

Николай ТЮНИН,
экскаваторщик треста
«Строймеханизация» (г. Альметьевск),
Герой Социалистического Труда

ПЕРВАЯ ЖИЗНЕННАЯ ПОТРЕБНОСТЬ

С большим удовлетворением читал и перечитывал я проект новой Конституции СССР, каждая строка которого про-

никнута горячей заботой Коммунистической партии о советском человеке — строителе нового коммунистического общества.

И мне невольно пришло на память то недоброе время, когда латышский народ был бесправен и угнетен. Хотя я был тогда совсем зеленым юнцом, впервые ступившим на палубу парохода, отчетливо помню, в каких неимоверно тяжелых условиях приходилось работать морякам. Судовладельцы эксплуатировали нас без зазрения совести. Трудовой договор, заключавшийся с каждым, кто поступал на судно, предусматривал одни только обязанности, о правах в нем не говорилось ни слова. Да и не было у нас никаких прав, особенно когда мы сходили на берег. Например, моряки были лишены права голосовать на выборах в органы городского самоуправления, не имели оплаченного отпуска, не могли рассчитывать на квалифицированную медицинскую помощь.

Я вспоминаю также, с каким пренебрежением смотрели тогда власть имущие на простого труженика с мозолистыми руками. Рабочие и крестьяне были для них людьми второго сорта. Коренным образом изменилось положение трудящихся, когда Латвия как равная вошла в состав Союза Советских Социалистических Республик.

Мы, моряки Советской Латвии, одобряем положения новой Конституции нашего государства и приветствуем ее принятие, как говорится, обеими руками. Потому что вдохновенный труд на благо Родины означает для нас дей-

ственность, радость творчества. Экипаж нашего парохода, как и экипажи всех других судовых команд Латвийского торгового пароходства, постоянно ищет новые пути повышения производительности труда. У нас в команде много неутомимых рационализаторов, новаторов производства, чьи предложения уже помогли сберечь ходовое время судна, горючее и смазочные масла.

Вспоминаю такой случай из своей капитанской практики. Однажды на нашем судне случилась беда: дало трещину рулевое устройство. Можно было бы, конечно, обратиться за помощью к иностранным специалистам, тем более что так поступить советовали руководители пароходства. Но для этого надо было, изменив курс, идти в ближайший иностранный порт и, стало быть, потерять время, истратить валюту, словом, понести убытки. Но мы решили обойтись своими средствами.

Проявив поистине героические усилия, моряки и специалисты прямо в открытом море принялись за работу и устранили неисправность. Пароход вовремя доставил груз во французский порт.

Один из работников фирмы, обслуживающей советские суда, никак не мог взять в толк, что же руководило советской командой: «Ведь это же не ваше личное судно! И деньги тоже не ваши!» — удивленно восклицал он. Ему было непонятно то высокое чувство

ответственности за порученное дело, которое руководило нами, советскими людьми.

Да, такое чувство может родиться у человека только в стране, где труд свободен, радостен, где он первая жизненная необходимость.

Считаю целесообразным внести в статью 14 проекта небольшое добавление: после слов «опираясь на творческую активность» добавить «и высокую сознательность».

Евгений РУДЗИТ,
капитан парохода «Балашов»

ИДЕИ ОКТЯБРЯ ВДОХНОВЛЯЮТ

Чем крепче и могущественнее становится содружество стран социализма, чем больше людей на нашей планете освобождается от пут империалистической кабалы, тем с большими воплями разгорается на Западе антикоммунистическая истерия. Целые толпы невесть откуда взявшихся «знатоков» нашей страны — «совтологов» — пытаются убедить мир в том, как плох советский образ жизни.

Тысячи антикоммунистических публикаций, радио- и телепередач вбивают в головы простых людей лживую инфор-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая партия Советского Союза

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета

Суббота, 4 июня 1977 года

№ 155 [21490]

Газета основана 5 мая 1912 года В. И. ЛЕНИНЫМ

Проект Конституции Союза Советских Социалистических Республик, предложенный Президиумом Верховного Совета СССР для вынесения на всенародное обсуждение

К О Н С Т И Т У Ц И Я

(О С Н О В Н О Й З А К О Н О Д А В А Т Е Л Ь Н О Й А К Т Е) С О Ю З А С О В Е Т С К И Х С О Ц И А Л И С Т И Ч Е С К И Х Р Е С П У Б Л И К

Великая Октябрьская социалистическая революция, совершившая рабочий переворот в России под руководством Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным, свергла власть капиталистов и помещиков, разбила империализм и создала Советское государство — государство нового типа, основанное на принципах революционных завоеваний, строительства социализма и коммунизма.

Советская власть осуществила глубочайшее социально-экономическое преобразование, навсегда покончила с эксплуатацией человека человеком, с классовыми антагонизмами и национальной враждой, устранила общественную собственность на средства производства, воздвигла демократию для трудящихся масс. Впервые в истории человечества было создано социалистическое общество.

Ярким проявлением силы социализма стал исторический подвиг советского народа, его Вооруженных Сил, одержавших историческую победу в Великой Отечественной войне. Эта победа укрепила международные позиции социализма, открыла возможности для роста сил социализма во всем мире.

Советский народ, придавая планомерный, научно обоснованный характер борьбе за победу коммунизма.

Статья 7. Профессиональные союзы, Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи, кооперативные и другие массовые общественные организации в соответствии со своими уставными задачами участвуют в решении государственных и общественных делами, в решении политических, культурных и социально-культурных вопросов.

Статья 8. Основным направлением развития политического, экономического и социального строительства социалистического общества является дальнейшее развитие политического, экономического и социального строительства социалистического общества, все более широкое участие трудящихся в управлении делами государства, совершенствование государственного аппарата, активное участие в общественной организации, усилении народного контроля и государственной организации, усилении общественной ответственности, постоянной основе государственной и общественной жизни, гласности, постоянный учет общественного мнения.

Глава 2.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Статья 9. Основу экономической системы СССР составляет социалистическое общественное производство. Социалистическое общественное производство является основой общественной собственности на средства производства (народную) собственности на средства производства.

мацию о военной опасности, об угрозе миру со стороны... СССР!

Прекрасно зная, как много сделано нашей партией и Советским правительством для предотвращения войны, идеологи капитализма идут на сознательную ложь, твердя ежедневно и еженощно о советской угрозе миру. Само существование вот уже 60 лет нашей страны является, конечно, бесспорной угрозой, но не миру, но народам и трудящимся всех стран, а системе капитализма. Ведь немеркнущие идеи Октября вдохновляют трудящихся всех континентов и служат им путеводной звездой в борьбе за лучшую жизнь!

В какой части земного шара простые люди живут без страха перед будущим? Только в странах социализма. Два-три поколения советских людей лишь по книгам или кинокартинам могут представить себе, что такое безработица. Наши школьники с изрядной долей недоверия узнают о том, что в мире есть дети, которым школа недоступна, что миллионы людей на земном шаре голодают, что тысячи людей кончают жизнь самоубийством, не имея возможности прокормить себя и своих детей, что миллионы людей не в состоянии, заболев, обратиться к врачу. Им кажется диким, что десятки тысяч семейств выбрасываются даже зимой на улицу из-за невнесения высокой квартирной платы, а то время как большое количество прекрасных домов пустует, а то время как целая плеяда кошек, собак и даже ослов является владельцами чудесных особняков, оставленных им в наследство миллионерами.

В странах же социализма нет инженера, врача, агронома, учителя, писателя, артиста, рабочего, который бы не мог использовать свои способности в народном хозяйстве или культурной деятельности. У нас не люди ищут работу, а работа ищет людей.

В одинаковом почете у нас люди с

разным цветом кожи. В СССР больше сотни народностей, и ни одна из них не испытывает угнетения, как, например, негры и метисы, индейцы и эскимосы в США.

Нелегко все это нам досталось. В борьбе против царизма, против интервентов, против внутренней контрреволюции советские люди, а первую очередь коммунисты и комсомольцы, понесли огромные жертвы. Но они не были напрасными. Никогда советский народ не променяет своих завоеваний на фальшивую западную «демократию». И потому все советские люди так единодушно поддерживают внешнюю политику нашей партии. Потому с таким удовлетворением все мы восприняли проект новой Конституции СССР. В этом программном документе гораздо более полно, чем в Конституции 1936 года, сформулированы свободы, которыми пользуются все граждане Советского Союза. В нем четко определены права каждого члена нашего общества. Для нас, конечно, самое важное не только то, что широкие, недоступные для многих людей на Западе права советского человека четко сформулированы в Основном Законе государства, а то, что они гарантируются самим Законом и что гарантия эта вполне реально осуществляется не на словах, а на деле. Что же касается тех, кто, подобно отщепенцам-дисидентам, злобно клеветает на нашу Родину, то я бы предложил дополнить статью 62 проекта Конституции словами: «Клевета на советский государственный и общественный строй рассматривается как тяжкое преступление и карается по закону».

Леонид ВЛАДИМИРОВ, профессор, заведующий кафедрой латвийского производства Кировоградского института сельскохозяйственного машиностроения

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ НОВИЧКИ

Хочу рассказать не о детях. Хотя чаще всего именно детей называют единственной привилегированной группой в нашей стране. Однако есть еще одна категория людей, находящихся в особых условиях.

Но сначала о невеселой истории, ставшей поводом для этих размышлений.

В Даугавпилсский цех рижского завода «Сантехника» был принят на работу учеником слесаря шестнадцатилетний Михаил... Фамилию его я не называю, поскольку он в этой истории — лицо пострадавшее. Вместо того, чтобы учить Михаила слесарному делу, администрация направила его на подсобные работы. И хотя новичок так и не приобрел квалификацию, ему спустя положенный срок присвоили второй разряд.

Михаил подал заявление об уходе по собственному желанию, объяснив, что работа ему не интересна. Комиссия по делам несовершеннолетних, разбираясь в этой истории, выяснила суть дела. По представлению прокуратуры, осуществляющей надзор за соблюдением прав несовершеннолетних, начальник цеха, в котором работал Михаил, привлечен к дисциплинарной ответственности. Права парня были защищены.

Я работаю старшим помощником прокурора Латвийской ССР — начальником отдела по делам несовершеннолетних. Мы осуществляем общий надзор за исполнением законов и установлений, связанных, в частности, со всеобщим, с трудовыми правами подростков. Как правило, мы не ждем поступления жалоб, а сами внимательно следим за соблюдением норм законодательства на предприятиях и в учреждениях, планируем работу по надзору, регулярно бываем на фабриках, заводах, в учебных заведениях.

Я прочитал номера «Смены», в которых публиковались письма, связанные с обсуждением проекта Конституции СССР. В них были затронуты многие положения нашего Основного Закона, читатели с пониманием и глубокой заинтересованностью рассматривали статьи Конституции. Я хотел бы еще раз обратить внимание на то, что в Основном Законе выражена забота нашего государства о правах реальных, гарантированных правах молодежи на интересную, полноценную жизнь, где обеспечено не только сегодняшнее положение молодых в обществе, но и зафиксированы перспективы перед ними перспективы и поистине безграничные возможности.

Права молодых, провозглашенные в проекте Конституции СССР, подкреплены множеством законов и установлений, специально направленных на защиту прав и интересов юношества.

Давайте припомним некоторые льготы, которые и позволяют мне называть молодых рабочих, учащихся и выпускников ПТУ привилегированной группой.

Во-первых, сокращенный рабочий день. Во-вторых, обеспечение благоприятных возможностей для совмещения работы с учебой. Кстати, учащиеся вечерних и заочных школ, техникумов, институтов и после достижения восемнадцатилетнего возраста имеют ряд льгот — отпуск на время экзаменов, сокращенный рабочий день или третий выходной.

В-третьих, молодым рабочим отпуск обязательно предоставляется летом, причем отпуск этот более продолжителен — длится он календарный месяц.

В-четвертых, общая система воспитательных акций включает, например, наставничество, то есть бесплатную передачу опыта лучших рабочих.

В-пятых, социальное страхование тоже носит льготный характер — соцстраховская путевка подростку выдается

независимо от стажа его работы, билетень оплачивается в повышенных процентах.

На страже интересов несовершеннолетних стоит многие организации и органы. История с Михаилом, о которой я рассказывал, напомнила об одном из наших сложившихся принципов: увольнение подростка по собственному желанию, администрация обязана уведомить об этом комиссию по делам несовершеннолетних, в чьи обязанности входит выявление истинной причины ухода молодого рабочего. Комиссия призвана установить, не были ли ущемлены права подростка, и, если мотивы ухода убедительны, должна помочь парню или девушке найти другую работу. При этом подросток может выбрать работу, которая ему по душе: на каждом предприятии есть лимит рабочих мест, предназначенных только для несовершеннолетних.

Проект новой Конституции СССР законодательно закрепляет права молодежи на ту жизнь, о которой мечтает каждый молодой человек, выходящий за порог школы.

Юрий БОГДАНОВ, старший советник юстиции

г. Рига.

СЛУЖБА ХОРОШЕГО НАСТРОЕНИЯ

Да, так часто называют службу сфера. Нам, работникам этой сферы, хотелось бы, чтобы фраза эта никогда не приобретала иронического характера...

Обсуждая проект новой Конституции СССР, коллективы львовских предприятий общественного питания с полным единодушием высказались в его поддержку. Над всех радует, что красной нитью через весь документ проходит забота о человеке — самом большом и важном достоянии общества. Конкретная работа, которой мы посвятили свою жизнь, непосредственно связана с тем, как будет чувствовать себя человек, с каким настроением придет он на завод или фабрику, как проведет свободное время. Поэтому, ведя разговор об Основном Законе нашего государства, мы на собраниях ставили много вопросов, решение которых поможет сервису избавиться от многоисленных, увы, «болезней». Говорилось о необходимости улучшить организацию труда, обеспечить инвентарем, вспомогательными средствами, оборудованием для кухни и т. д. Качественные сдвиги в обслуживании невозможны без соответствующих сдвигов в отраслях промышленности, с которыми мы связаны. Неоднократно высказывалась мысль: не следует ли создать союзно-республиканское Министерство общественного питания?

И еще одно. Не могу согласиться с равнодушием, которое проявляют к общепиту радио и телевидение. Часто ли мы видим на экране повара, простоявшего четверть века у раскаленной плиты, или официанта, обошедшего за свою трудовую жизнь дважды земной шар и перенесшего на руках груз, которого хватило бы на три железнодорожных состава? А что мы слышали о кондиционерах, завоевавших нашу страну золотые лауры международных конкурсов?

Быть может, было бы целесообразным ввести в текст новой Конституции СССР специальную строчку о том, что «государство способствует развитию сферы обслуживания, рассматривая ее как важное средство удовлетворения растущих материальных и духовных потребностей советских людей».

Ярослав САЛО, лауреат всесоюзных конкурсов официантов, секретарь комсомольской организации ресторана «Высокий замок»

г. Львов.

итесь!

ю за

А
ПСС

Цена 3 коп.

авленный Конституционной комиссией
ения на всенародное обсуждение

У Ц И Я А К О Н) ЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Статья 20. В соответствии с коммунистическим идеалом: «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» Советское государство ставит своей целью расширение реальных возможностей для развития и всестороннего развития личности.

Статья 21. Государство заботится об улучшении условий труда, о сокращении и в дальнейшем в полном вытеснении тяжелого ручного труда на основе механизации и автоматизации производства.

Статья 22. В СССР последовательно возрастает и жизнь программа комплексной механизации и автоматизации в промышленности, сельском хозяйстве, вращении сельскохозяйственного труда в разном образовании, культуре, здравоохранении, бытовом обслуживании, торговле и коммунального хозяйства, преобразование села и деревни в благоустроенные поселки.

Статья 23. Государство успешно осуществляет курс на повышение уровня оплаты труда, реальных доходов трудящихся в соответствии с ростом производительности труда.

В целях более полного удовлетворения потребностей члена общества социальности труда.

В целях более полного удовлетворения потребностей члена общества социальности труда. Государство при широком участии общественных организаций и трудовых коллективов обеспечивает рост и справедливое распределение этих фондов.

Статья 24. В СССР действуют и развиваются государственные системы здравоохранения, социального обеспечения, бытового обслуживания, общественного питания и коммунального хозяйства.

Государство поощряет деятельность кооперативных и других общественных организаций в области обслуживания населения.

Государство поддерживает единую систему образования, которая служит развитию личности и физическому развитию молодежи. Образование в СССР существует единую систему образования, которая служит развитию личности и физическому развитию молодежи. Образование в СССР существует единую систему образования, которая служит развитию личности и физическому развитию молодежи.

Наша обложка:
участники
Международного
детского фестиваля
«Пусть всегда
будет солнце!»

Фото Юрия УСТИНОВА

- 1 ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ СССР.
Письма читателей из Альметьевска, Кировограда,
Львова, Риги.
- 2 УДАРНАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ.
Михаил НАГАЙЦЕВ, секретарь комитета комсомола
Московского Метростроя.
«ВСЕМ, ЧТО ЗНАЕШЬ, ПОДЕЛИСЬ С ДРУГИМ!»
- 4 Генрих ГУРКОВ, специальный корреспондент «Смены».
«ДОРОГА ДЛИНОЙ В СТРОЧКУ».
- 7 Аркадий ПАЛЬМ. «КАНАЛ».
- 9 Эдуард БАБАЕВ. «ГОРЯЧИЙ ЦЕХ». Поэтическая хроника.
- 12 К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ. ВЕХИ НАШЕЙ ИСТОРИИ.
«ДНЕПРОГЭС».
- 15 Стихи Сергея ДАВЫДОВА.
- 16 «ВСТУПЛЕНИЕ В ТРУД».
- 18 Фантастический рассказ Александра ЧАКЛИНА
«ЗАМОРОЖЕННЫЕ НАДЕЖДЫ».
- 20 «ЧЕЛОВЕК ИЗ СТРАНЫ ЗАГАДОК».
Фотоочерк Юрия ЛУШИНА.
- 23 ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «СМЕНИ». «СТОЛКНОВЕНИЕ».
Обзор читательских писем.
- 24 «КРАСНАЯ ГВОЗДИКА» РАСЦВЕТАЕТ В СОЧИ».
- 26 Рассказ Валентина ГАРКИНА. «САМОКАТ».
- 28 К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО.
Юлиан СЕМЕНОВ. «ОСОБО ОПАСНЫЙ ПРЕСТУПНИК».
Повесть в эпизодах, письмах и документах (1902—1905 гг.)

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ,
А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора),
Г. Л. НЕМЧЕНКО, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь),
Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ,
Г. В. СЕМЕНОВ, А. П. СЕРЕДА, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный
художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор И. А. Кузьмина.

© Издательство «Правда», «Смена», 1977 г.

В дни ударной комсомольской вахты, посвященной 60-летию Великого Октября, в ходе обсуждения проекта новой Конституции СССР получило широкое распространение немало ценных начинаний молодежи, направленных на повышение качества труда, эффективности производства во всех сферах народного хозяйства.

С начала юбилейного года «Смена» ведет рассказ о жизни и работе комсомольско-молодежных коллективов. В журнале выступали передовые рабочие, бригадиры, комсомольские работники.

Профессия строителя всегда привлекала людей деятельных, энергичных, жаждущих испытать свои силы в нелегких, а подчас и просто суровых условиях. И шли, идут в райкомы и горкомы тысячи юношей и девушек с одинаковыми заявлениями: «Прошу направить на ударную комсомольскую...»

Михаил НАГАЙЦЕВ,
секретарь комитета комсомола Московского Метростроя.

«ВСЕМ, ЧТО ПОДЕЛИСЬ»

Когда в тридцатые годы наша промышленность выпустила для метростроевцев первый проходческий щит—огромный металлический «крот» высотой с двухэтажный дом, иностранные специалисты оценили его максимальную выработку в 0,75 метра проходки за сутки. Комсомольско-молодежные бригады с самого начала давали по три метра... Так работали на строительстве метрополитена тысячи призванных комсомолом юношей и девушек, открывших совершенно новую профессию—метростроевец. Именно за большое участие в досрочном пуске первой очереди метро Московский комсомол был награжден орденом Ленина.

Метростроевец—профессия комсомольская. Более половины рабочих нашего управления не достигли еще тридцати лет. Можно много говорить о традициях метростроевцев, о преемственности поколений комсомольцев тридцатых и нынешних годов, но наиболее показателен один только факт: за 45 лет непрерывных работ (они не прекращались и в годы войны) каждая линия метро сдавалась досрочно и с высоким качеством.

Может быть, стройке созданы исключительные, «тепличные» условия? Утверждение насчет исключительности условий было бы верным лишь в одном отношении: в любой момент проходчики могут встретиться с самыми непредвиденными обстоятельствами.

Думаю, не многим знакомы особенности московской геологии. Например, из множества речушек, забранных в коллекторы, горожане вряд ли вспомнят какую-либо, кроме Неглинки, оставшейся в названии улицы и еще до недавнего времени напоминавшей о себе паводками в пору дождей. Но далеко не каждый знает, что между Комсомольской площадью и Сокольниками трассу метро пересекают в коллекторах речки Рыбинка и Чечора, что у Казанского вокзала «спрятаны» под землей Ольхова и Ольховец, а под Арбатом—речка Черторый... Когда проходчики вскрыли грунт, плотно осевший под тяжестью огромного города, земля ожила в полном смысле этого слова. Всколыхнулись загнанные в трубы реки, зашевелились пльвуны, стали вторгаться в подземные выработки. Мы научились бороться со стихией недр, однако не все можно заранее предусмотреть. Так было не-

давно на строящейся станции «Марксистская»: в зал хлынула вода подземного озера. Но никто не растерялся, не запаниковал, быстро организовали откачку воды. Что бы ни случилось, станция должна быть сдана в срок—не в обычаях метростроевцев ссылаться при трудностях на «объективные причины». Хотя объективней и представить трудно.

Такова специфика стройки. Добавлю к этому, что и нам приходится, к сожалению, иметь дело с проблемами, общими для многих строительных организаций: неравномерной поставкой материалов и оборудования, нехваткой кадров... Решение текущих проблем редко обходится без участия комитета комсомола, штаба Всесоюзной ударной стройки.

В конце 1975 года за досрочный ввод в эксплуатацию Ждановско-Краснопресненского диаметра Метрострой был награжден орденом Октябрьской Революции. На строительстве этой линии произошло становление молодых коллективов двух строительного-монтажных управлений. В дни работы партийного съезда им было присвоено звание комсомольско-молодежных. Вскоре коллективу СМУ-11 пришлось держать еще один серьезный экзамен на строительстве станции и депо «Новогиреево».

На одно из своих собраний бригада Владимира Боброва пригласила представителей комитета комсомола, администрации и предложила строить станцию по злостному методу: такое же собрание провели и соседи Боброва—бригада Володи Бутко. Обеспечьте материалами и техникой, говорили ребята, все остальное мы берем под свою ответственность. После этих собраний внешних перемен на участках вроде и не произошло. Но специалист мог бы подметить, что сократился расход вспомогательных материалов, что экскаваторы и прочая техника не стояла здесь «на приколе», а появлялись только в нужный момент и не задерживались лишнего часа после окончания работ. Ребята научились считать и проценты экономии и коэффициент полезного действия техники.

В соревнующемся с ними коллективе СМУ-10 условия более трудные: здесь предстоит построить станцию глубокого заложения «Шоссе Энтузиастов». Бригады Ивана Талина, Павла Феоктистова, Владимира Овчинникова впервые встретились с новыми для себя подзем-

В юбилейном году Всесоюзными ударными были объявлены 125 строек энергетики и машиностроения, металлургии и химии, мелиорации и транспорта и других отраслей народного хозяйства.

Что характерно для жизни комсомольских строек? Это прежде всего ударный труд молодежи, ее забота о качестве строительства, это передача передового опыта, профессиональная учеба. Это воспитание боеспособных коллективов, которым по плечу многое...

Три адреса с карты Всесоюзных ударных представлены в этом номере «Смены». Разные города, разные стройки. Но одно объединяет их — энергия, творческая работа молодежи, то, что сконцентрировано в двух словах — «Ударная комсомольская»...

О ЗНАЕШЬ, С ДРУГИМ!

ными работами. С помощью опытных рабочих из СМУ-6 ребята освоились в непривычных условиях, внедрили «подземный вариант» бригадного подряда.

На пленуме комитета комсомола, обсуждавшем положение дел в управлениях, комсомольцы внесли предложение — превратить свои организации в образцовые. А это означает и внедрение бригадного подряда.

Было время, когда бригады простаивали из-за отсутствия бетона: сначала сократились поставки щебня, затем не оказалось железнодорожного транспорта. Штаб стройки связался с заводами Калужской, Тульской областей, установил контакт с трестом «Промстройматериалы», Министерством путей сообщения. Нет, мы не пытались поменять отдел снабжения, но практика выявила одну любопытную деталь, психологического, я бы сказал, характера: просьбы снабженцев привычны поставщикам и поэтому не всегда находят нужный отклик. Та же просьба со стороны комсомола часто оказывается более действенной. Так, мы взяли под контроль поставки редукторов для монтажа горных комплексов.

Конечно, не снабжение остается главной заботой комсомольского штаба. За последние полтора года мы приняли около полутора тысяч новичков. Обучить молодежь, заинтересовать профессией метростроителя, дать квалификацию — задача потрудней, чем «выбить» несколько вагонов щебня. Метростроительские университеты возглавляет целая армия наставников — их у нас почти полтысячи.

...Герой Социалистического Труда Павел Новожилов руководил передовой молодежной бригадой. Но в Метрострой прибывает пополнение, и Новожилов передает сложившийся коллектив своему воспитанику Владимиру Попкову, а сам берется за создание новой бригады из молодых строителей.

Вслед за ним и другой бригадир, коммунист Леонид Грачев, набирает новичков.

Многочисленные ученики прославленного проходчика Александра Суханова нынче трудятся и в Московском метро и на строительстве БАМа, сам же наставник принял в бригаду бывших моряков-балтийцев, прибывших по комсомольским путевкам. Из демобилизованных моряков уже сформированы две комсомольско-молодежные бригады,

они разрабатывают собой на станции глубокого заложения «Площадь Ильича».

У метростроителей есть девиз: «Всем, что знаешь, поделись с другим». Воплощение этого девиза не только в передаче опыта «внутри» Метростроя, но и в помощи строителям метро Ташкента, Харькова, Киева, Баку, многих зарубежных городов. Москвичи всегда были в рядах проходчиков первых линий метрополитенов. Обмен опытом шел и идет в забоях, в проектных мастерских, в производственных отделах...

В нынешнем году ритм жизни города под землей особый: большинство бригад — и среди них 30 комсомольско-молодежных — обязались двухгодичный план завершить к 60-летию Октября. В эти дни проходят массовые комсомольские рейды по контролю за качеством и темпами работ. Казалось бы, при давно устоявшейся технологии строительства нельзя найти крупные резервы повышения эффективности труда.

Но вот комсомольцы СМУ-10 предлагают заменить чугунную обделку тоннеля железобетонной и экономят 765 тонн металла; комсомольцы завода железобетонных конструкций добиваются более эффективного расположения деталей в стеновых блоках; в СМУ-5 монтируют досрочно платформу станции с помощью одного крана вместо двух по норме... В общем, постоянно на каждом участке внедряется что-то новое, прогрессивное. И внедряем, надо сказать, по инициативе, при непосредственном участии постов «Комсомольского прожектора».

Успех этой работы определяют три фактора. Первый: специализация внутри самого «КП». Она необходима, поскольку не может один прожекторист с одинаковым знанием дела сегодня заниматься, скажем, проблемами технологии, а завтра — вопросами быта или дисциплины. Второй фактор: массовость. «КП» Метростроя — это более четырехсот комсомольцев. Знания и энергия такого отряда позволяют не ограничиваться редкими рейдами, а постоянно держать руку на «пульсе» стройки. И третье условие: замечая разные неполадки, прожектористы тут же сами включаются в их устранение, а не просто ставят в известность администрацию.

...Город под землей живет своей, напряженной жизнью, растет, догоняя своими станциями новостройки столицы.

Рисунок Владимира СВЕТЛАНОВА

Форога Флиной В строчку

Генрих ГУРКОВ,
специальный корреспондент «Смены».
Фото автора.

Тугой, пружинистый свист реактивных двигателей, туманный купол неба, бело-сине-красная аэрофлотовская геральдика на серебряных сигарах самолетов, всегдашняя бесполовая мельтешня пассажиров — а потом меньше четырех часов полета. Обычный рейс из Домодедова...

Тема моей сибирской командировки изложена в строчке документа «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы». Звучит эта строчка предельно лаконично: «Продолжить строительство Томского нефтехимического комбината». Правда, предшествует ей программный тезис о формировании в Западной Сибири крупнейшего территориально-производственного комплекса — главной базы страны по добыче нефти и газа. Один из адресов, куда пойдет западно-сибирская нефть, — тот самый комбинат в Томске, о котором сказано: «Продолжить строительство...»

В ржавую болотную топь, утыканную, словно бородавками, колючими растрепанными кочками, смотрятся березы. Они здесь удивительной мощи и красоты, с упрямыми ветвями, перекрученными то ли ветрами, то ли морозами. — Зимой часто за 50 градусов переваливало, — говорит мне Виктор Кузюков. — Радиаторы машин застывали, ничем не прошибешь. У меня ботинки арабские были — так, представляете, подошва пополам раскололась. А щеки ничего, целы. Здесь сухой мороз, здоровый...

Виктор — сибиряк по рождению, бывший слесарь и солдат, сегодня начальник штаба Всесоюзной ударной комсомольской стройки и студент-заочник Томского инженерно-строительного института. Открытый, прямой взгляд, копна каштановых волос, сбита энергия в каждом жесте. Мы стоим у обочины бетонки, время от времени ныряя в облако пыли от проходящих «КраЗов», «МАЗов», «Татр». Впереди, сколько видит глаз, отрываясь от «нулевого цикла», карабкается к небу привычная геометрия большой стройки: прямоугольные свечи колонн, квадраты блоков, полукруги перекрытий...

— Темпы набираем. Хотя начинали трудно.

Трудно. Запоздывала техническая документация. Телефонные провода раскалялись, когда Томск вызывал иные из 30 «задействованных» проектных организаций Москвы, Ленинграда, Киева, Новосибирска. От выбранной вначале площадки пришлось отказаться — наложили «вето» специалисты по защите окружающей среды. Важные для снабжения Томска питьевой водой районы, заявили они, должны остаться неприкосновенными.

Пожалуй, эта ситуация весьма примечательна. Те, кому поручено или, лучше сказать, доверено осваивать богатства Западной Сибири, думают о том, как создать барьеры на пути, увы, возможного превращения гигантской территории в замызганный, замусоренный заводской двор. Современную индустрию стремятся осмысленно, рационально и эстетически грамотно вписать в неповторимый сибирский ландшафт, не нарушить капризного экологического равновесия. Спорят и размышляют о темпах и сроках строительства, не забывая, во имя чего и кого ускоряются темпы и сроки. Не индустрия для индустрии, а индустрия для человека... вроде бы предельно ясно. Но всегда ли и везде эта аксиома выдерживает бой, утверждает себя ежедневно и ежечасно под напором светливой и настырной будничной текучки?

Никто не станет возражать против горшка с цветами в цехе. Но не важнее ли сохранить на пути к заводу роцу,

«подвернувшуюся» под ножи бульдозеров? Всем известно: легко свалить дерево, трудно его вырастить. Особенно, между прочим, там, где город врубается в тайгу.

В Томске помнят об этом...

На стене в обкоме комсомола я увидел броское объявление. Вот его текст: «Гигантская стройка Сибири ждет вас! В далеком сибирском городе Томске началось строительство крупнейшего в стране нефтехимического комплекса. Желющие принять участие в сооружении этого уникального объекта могут обратиться в любой городок или райком комсомола за направлением в отряд, который выезжает в Томск в ближайшие дни. В дорогу, друзья!»

Это объявление привезли добровольцы, приехавшие по комсомольским путевкам из Молдавии. На стройке сегодня занято около полутора тысяч человек. Две трети — комсомольцы.

— Ребят не упрекаешь, что за льготами и коэффициентами сюда поспешили, хотя и то и другое стройка гарантирует, — говорит первый секретарь обкома комсомола Виктор Шувариков. — Основной мотив: люди хотели попасть на большое, масштабное дело. Считают себя первопроходцами по справедливости. Хотя и расположится комбинат в двадцати километрах от Томска, но как было там? Пришли в лес. Вокруг — ничего похожего на цивилизацию. Тайга, болота непролазные... Бензопила в руки — и приступай... Расчищали площадку, прокладывали дороги...

Сегодня основные профессии строики — плотник-бетонщик, монтажник, шофер. Создано 47 комсомольско-молодежных коллективов. Появился переходящий приз, который вручается раз в квартал. Им очень дорожат: носит приз имя дважды Героя Советского Союза Николая Николаевича Рухавишника, томича и почетного гражданина Томска, бывшего студента ТИАСУРа — Томского института автоматизированных систем управления и радиозлектроники. Учредили приз, когда в городе проводилась Неделя науки. Космонавт приезжал, провел несколько часов в бригадах. Переписка с тех пор не обрывается.

С чего начинается строительство комбината?

В Томске отвечают: во-первых, проводим коммуникации; во-вторых, создаем базу строительной индустрии; параллельно строим жилье. Многогектарная площадка, где предстоит подняться корпусам нефтехимии, только-только начинает обживаться. Но она уже крепко скручена сетью подъездных путей, уже обозначились контуры завода товарного бетона и раствора, завода железобетонных изделий, завода металлоконструкций, завода по ремонту строительной техники, гаража на 780 автомашин, котельной, складов... Мощная строительная база позволит не только решить задачу строительства химкомбината — она верой и правдой послужит городу. В районе Иркутского тракта и улицы Лазо будет построено 260 тысяч квадратных метров жилья для рабочих комбината и его строителей — со всеми службами, которые полагаются микро-районам современного города.

— Жилье строим, комбинат в уме, — сказал заместитель директора Валентин Александрович Андреев. — В восьмидесятом году у нас будет работать больше 15 тысяч человек. Нам необходимы стабильные, надежные кадры, наизусть знающие специфику стройки и по-человечески привязанные к ней. «Палаточный» метод строительства в наших условиях, под боком у Томска, ни с какой точки зрения не оправдан. Энтузиазмом комсомольцев-добровольцев злоупотреблять не намерены. Те крайние лишения, с которыми неизбежно было связано освоение Си-

бири в прежние годы, нынче могут и должны быть исключены из практики. Близорук тот, кто этого не осознает. Мы здесь, на стройке химкомбината, заявляем: каждый, кто к нам придет, получит крышу над головой. И мы будем заботиться, чтобы эта «крыша» становилась просторней, удобней, комфортабельней.

Андреев рассуждал с той уважительной и, я бы сказал, деловой любовью в будущий комбинат, какая прочно утвердилась в городе — не раз имел возможность в этом убедиться...

Было время — индустриальная биография Томска складывалась сложнее и драматичнее. Шли эшелоны с Запада, шли из районов, куда ступила железной пятой война. В первые пять месяцев Великой Отечественной в Западную Сибирь было эвакуировано 244 предприятия, в Восточную Сибирь — 78. Если бы существовала возможность пустить станки прямо на вокзальной площади, их бы пустили, выгрузив из вагонов и с платформ. Выигрыш минут — не было тогда ничего важнее. Истекавший кровью фронт ждал.

Низкий поклон Сибири за то, что она совершила в войну! Стали в те годы сибиряками, получили здесь постоянную прописку многие из эвакуированных людей и заводов. Заводы растили бицепсы — жилые кварталы ждали своего часа. Теснились в каморках тесных деревянных домов старые и новые томичи. Долго, очень долго...

Сегодня строительный кран — неотъемлемая деталь городского пейзажа. Нормально. Привычно. Будет этих кранов еще больше — вокруг химкомбината «завязывается», опираясь на его транспортную сеть и строительную базу, перспективный промышленный узел. И тем, кто свяжет с ним судьбу, Томск вручит ключи от квартир.

— Вот, взгляните, ну что это такое? Ведь до чего намучаешься с этой столяркой, пока ее зашпаклюешь! И как только ухитряются ее такой косматой выпускать...

Сердитый этот монолог я услышал в одном из новых домов, которые готовятся к сдаче. «Косматая столярка» — к сожалению, не единственный, что доставляет много лишней работы и много огорчений маляру управления «Химстрой» Апполинару Водерниковой и ее подругам по бригаде.

Апполинурия, или, как ее чаще зовут, Полина, — круглолицая, подвижная, как ртуть, — человек доброты удивительной, и «сверхпсихологом» не надо быть, чтобы это понять. Достаточно обменяться с ней хотя бы несколькими словами, послушать, как она о людях говорит. Или понаблюдать, как, сделав свое, подходит она к рабочему месту соседки и, не произнося лишних слов, начинает мыть, чистить, мазать, скрести бугристую, дырчатую панель. И это без угрюмо-серьезной мины, без покровительственного похлопывания по плечу. Вдруг наклонится к уху соседки, скажет что-то, и залыются обе смехом. («Радостная у нас работа, — сказала мне Полина. — Квартиру получаем раздетую, нежилая она, холодная. А сдаем — чистую, свежую, нарядную, как на праздник собралась...»)

— Или панели эти. Я считаю, надо менять технологию, привести их наконец в порядок. Мокрые, неровные, сосульки прямо как сталактиты на них... А зазоры? Вот вы не верите, а в одной квартире такой зазор был — ну, я не пройду, а Света Данилова, она тоненькая у нас, так она туда и обратно без труда ширкнула...

Когда Водерникова огорчается по поводу неприятных вещей — это не усталая ворчливость, не абстрактное брюзжание по поводу несовершенства мира. Это — неукротимое стремление сделать хорошим то, что не может, не имеет права быть плохим. («Ведь кому кварти-

ры-то строим? Своим же товарищам, которые там, на площадке, и мерзнут, и в глине вязнут, и от пыли задышаются. Так что ж они, спасибо скажут за щели и трещины, за окна, которые не открываются, за двери, которые перекошились?»)

Что касается самой Полины, то она «работу выполняет только с отличным качеством». Я цитирую наградной лист. Его составляли, когда, подводя итоги соревнования, вручили Водерниковой путевку в Москву: как победителю, ей предоставлено право быть сфотографированной в Кремле.

Звание «Ударник коммунистического труда»... Серебряный знак ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки»... Орден Трудового Красного Знамени... Премия Ленинского комсомола... За эти награды «голосовали» квадратные метры квартир, которые Полина, кляня на чем свет стоит бракоделов, доводила до высшей кондиции. За них сказали свое веское слово часы и дни, что депутат горсовета Водерникова посвятила сложным проблемам жилья в городе, жалобам, по которым должно было быть принято быстрое и справедливое решение. Поздравляли, обнимали Полину и ее старшая подруга бригадир Мария Михайловна Фролова, заслуженный строитель РСФСР, и девочки из ПТУ, которых она, наставница, подготовила на разряд...

А ведь строителем стала по чистой, казалось бы, случайности. Окончила школу, поступила в торговое училище. Работала продавцом. Потом, когда появились сын Олежка и дочка Аллочка, начала искать место, чтобы для малышей после смены побольше времени оставалось. Попала на стройку. Понравилось. И нравится все больше. «Радостная у нас работа...»

Определилась окончательно. С неугомонностью, с какой делает все, участвовала в конкурсах профессионального мастерства. Вспоминает первый: «Подвела меня тогда плита. И так я с ней и этак... Не сохла, проклятая. Получила я грамоту за 5-е место и разревалась как телка...» А на следующем конкурсе на лучшего отделочника области и зоны Сибири — 2-е место.

За пятилетку — семь годовых норм выполнила. Трудно? «Можно бы больше. Только нужна нам, ой, как нужна механизация. Ну, хотя бы простейшие подъемники. А то побегай с раствором на пятый этаж...»

Вечером — портфель в руки и на занятия. Томский инженерно-строительный институт, факультет промышленного и гражданского строительства, 4-й курс.

— Химкомбинат — фронт работ на всю жизнь!

Ребята из комсомольского штаба любят цитировать высказывание директора комбината Виктора Степановича Гетманцева: «Строим БАМ химии».

Местный патриотизм? Простительное преувеличение, продиктованное увлеченностью?

Вот факты...

После освоения производственных мощностей только первой очереди (1979—1983) Томский химкомбинат станет самым крупным в Советском Союзе предприятием по выпуску полиолефинов — сырья для изготовления пластмасс и синтетических волокон. В частности, он даст 70 процентов общесоюзного производства дефицитного полипропилена.

...Разноцветная дробь в стеклянных колбах, которую мне продемонстрировали в дирекции, способна произвести впечатление, вероятно, только на специалистов. «Гранулированные полиолефины» — так это называется. Полистаешь проспекты — и уже не задаешь вопрос: что из этой дробки делают. Хочется спросить: а чего из нее не делают?

Экономика сегодняшнего, а тем более завтрашнего дня немыслима без множества типов и видов пластмасс. Полиолефины — это детали радиоприемников,

телевизоров, автомобилей, кораблей, станков... Это кабельная изоляция (она в 12 раз легче и в 5 раз дешевле свинцовой)... Это трубы разных диаметров — от нескольких миллиметров до метра... Это... Впрочем, оглянитесь вокруг. Разве не завоевывают пластмассы репутацию «материала века» и в производстве и в быту?

Первая очередь комбината окупится за два с половиной года, так что следующие очереди будут строиться за счет прибыли, полученных от работающих производств. Расчет проектировщиков: в 1990 году Томский нефтехимический гигант будет производить 1 миллион 750 тысяч тонн полиолефинов (для сравнения: в 1975 году в стране выпущено 410 тысяч тонн). Затраты на рубль товарной продукции составят 35—40 копеек. Производительность на одного работающего — 140—150 тысяч рублей в год. Иными словами, по всем решающим показателям Томский химкомбинат войдет в число правоблаговых отечественной индустрии, предприятий, которые соединяют масштаб с высшим мировым уровнем.

Так она расшифровывается, эта строчка из документа, единогласно одобренного XXV съездом партии. Вот почему стройку комсомол объявил Всесоюзной ударной.

— Если откровенно, то мне хотелось бы, чтобы вы встретились с этой бригадой попозже, ну, хотя бы через пару месяцев, — без обиняков, в обычном своем стиле сказал мне Виктор Кузьяков.

Форсируя «водные преграды» — развезло изрядно после дождя, — мы с ним пробирались между корпусами стройки. Меня, как гостя, в штабе обули в резиновые сапоги. Виктор скакал через коричневые глиняные заводы в ботиночках. («Нам директор всегда повторяет: «Руководство стройки сапоги не полагаются. Мы с вами обязаны позаботиться о дорогах. А то на работу как на охоту в тайгу снаряжаемся.»)

— Почему позже? — переспросил я. Мы уже почти «доскакали» до вагончика — резиденции бригады.

— Отличные ребята там. Асы. Но досталось им... Представьте, зимой они монтировали 24-метровые перекрытия. Что это такое, понять нетрудно. Висит этакая махина на тросах крана, противник так мотается... Ладно, поставили... А потом этот же ребятам пришлось все демонтировать. Не потому, что плохо сделали. Просто поставщики сообщили: снабжать вас этими фермами в предложенные комбинатом сроки не сможем... А время подгоняло: в начале семьдесят восьмого начнет поступать оборудование для основных цехов. Выход оставался один: демонтаж и переход на другие конструкции. Разговор, конечно, в бригаде был такой, что и вспоминать не хочется. Ведь мы там бригадный подряд вводили, а какой подряд без устоявшихся поставок?..

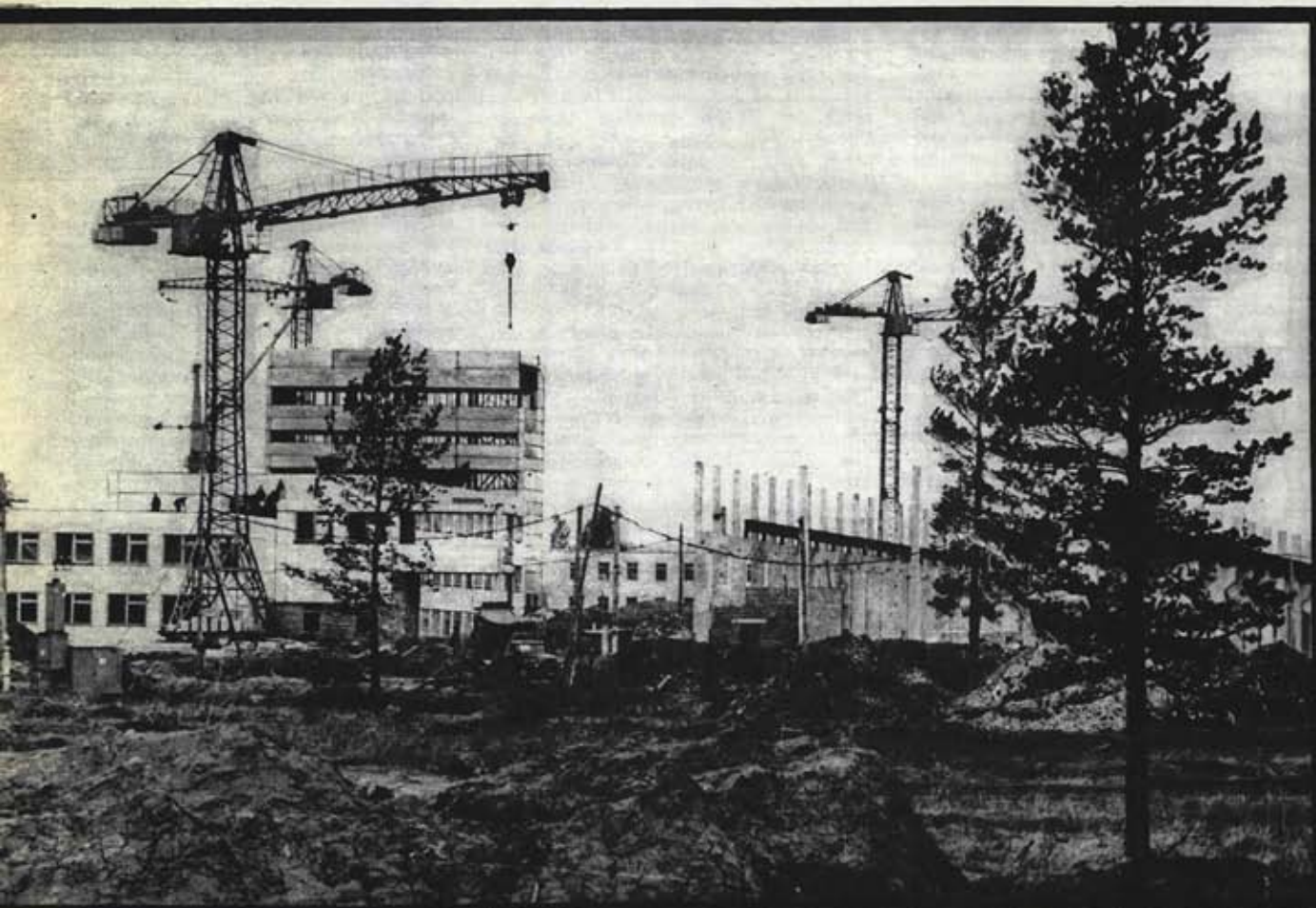
— Ну, а сегодня?

— Да и сегодня неважно с поставками. Бригада уже устала от этих океанских вынужденных перекуров.

— Что же делать?

— У нас нет гарантий, что все пойдет на лад само по себе. Поставщиков у комбината множество, и не везде отношение к нашей стройке достаточно ответственное. Дирекция ломает голову, принимает соответствующие меры. Наш штаб — тоже. Отправили письма в комитеты комсомола предприятий, от которых зависит стройка. Получили ответы: комсомольские организации берут под контроль заказы Томска...

Мне доводилось наблюдать кое-где зияющие прорехи в деле пытаются заткнуть неумеренной транспарантной трескотней. Биллинные богатыри в спецкожах на фоне металлоконструкций, творения плакатных дел умельцев, как-то особенно щедро расцветают картонными улыбками там, где плохо сплавля-

**ГДЕ ВЧЕРА ШУМЕЛА
ТАЙГА...**

«звездные часы» попал я в бригаду, прежде всего бросалось в глаза: ни малейшей нервозности. Не перегорели ребята, не растеряли азарта и напористости, не сбила их с толку горькая история с демонтажем, не обезоружила обидная безалаберность с поставками.

Обсудили, кто оказался в эту неделю лучшим в соревновании за право подписать Рапорт Ленинского комсомола ЦК КПСС к 60-летию Октября. Назвали трех или четырех кандидатов. Потом остановились на одном — Саше Туласове, комсорге бригады. На самых тяжелых операциях был занят, раз. Хитроумный способ придумал, как быстрее и надежнее 8-тонную колонну металлическими клиньями закрепить, это два. В ТИСИ, в Томском инженерно-строительном, где учится на третьем курсе, ни одной консультации не пропустил, да еще потом с товарищами по бригаде и по институту Валерой Савицким и Колей Димаковым весь материал проработал.

Проголосовали. Кто «за»? Кто «против»? Единогласно. Записали имя Туласова Александра Степановича в красную книжечку — переходящий мандат обкома комсомола.

Высокий парень, светловолосый и светлоглазый, с мягкой, даже застенчивой манерой держаться, рассудительный и сдержанный в словах, экономный и собранный в движениях. Строительный дебют его — мост через реку Томь. Пошел туда работать монтажником пос-

СИЛУЭТЫ ТОМСКА.

ются с организационными, технологическими, дисциплинарными и прочими безобразиями. Слово призвано помогать делу. Но оно может его и компрометировать.

Здесь, в Томске, не боятся назвать своими именами ошибку, неудачу, разгильдяйство. Стенды наглядной агитации конкретны, самокритичны. Так было... Так есть... Так может и должно быть... Опыт лучших. Характеристика резервов. Анализ «проколов». Здесь реальный Алеша Попович, когда улыбающийся, а когда бранящийся, вооружен логарифмической линейкой или электронным карманным калькулятором. Здесь цифры не елочные украшения для отчетов. «Позтом можешь ты не быть, экономистом быть обязан...» Такова атмосфера этой стройки. Здесь ценят доказательность и добротность в работе, а не кликушество.

...Размышляю об этом, слушая, как проходит планерка в комсомольско-молодежной бригаде Крупнова. Собственно говоря, крупновской эту бригаду называют по инерции. Сам Крупнов, получив диплом инженера-сварщика, долго не расставался со своими ребятами, но в конце концов все-таки ушел с монтажа. Бригада осталась. И осталось то, что родилось в ней и укрепилось в крупновские времена: безусловная добросовестность, четкая, осознанная дисциплина мастеров высшего класса, готовность в любой момент прийти на помощь товарищу, тяга к учебе (из девяти человек — трое в техникуме, трое — в строительном институте).

Сидим в тесной бригадной «бытовке», идет неторопливая дискуссия о том, кто как сработал в прошлую неделю, что предстоит сделать в эту.

Каждый говорит о себе и о других спокойно и раскованно. Ничего похожего на взаимные упреки — коллектив сколотился такой, что все воспринимается с полуслова. Если появились претензии, собрания не ждут. Камень за пазухой не привыкли держать. «Совместимость» на площадке и за ее пределами стопроцентная. И хотя — прав Виктор — не в

У ПАПЫ ВЫХОДНОЙ.

**ЭТИ ТРУДНЫЕ
КУБОМЕТРЫ...**

**МАЛЯР ПОЛИНА
ВЕДЕРНИКОВА,
ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ
ЛЕНИНСКОГО
КОМСОМОЛА.**

ГОРЯЧИЙ ЦЕХ

40-е годы

Бумажный черный рупор дней военных,
Нам возвестивший наступление мира,
Стоял на школьной полке,
где Бетховен
Прислушивался к грозным небесам.

О, это гипсовое изваяние,
Мучительное воплощение воли
И музыки, принадлежащей всем!

В те годы запад назывался фронтом,
Восток в те годы назывался тылом,
И в мире шла великая война.

А капитан саперных войск Богданов,
Немецкой пулей раненный в бою,
Играл на клубном стареньком рояле
Девятую симфонию. Играл,
Таинственно и странно улыбаясь,
Как будто эта музыка была
Разгадкой поражения и победы
И летописью скорби и надежд.
Над клавишами низко наклонялась
Богданова седая голова.

И весь огромный затемненный город
За плотно занавешенным окном
Звучал в ответ, как тонкая мембрана.

Мы выросли в сороковые годы
И не забыли соль добра и зла.

По шпалам

Идет по рельсам черная «Овечка»,
Видавший виды тихий паровик.
Медлительная тень ползет по шпалам,
По насыпи, по рвам и по настилу,
По нашим лицам, по родной земле.
На ней теперь весь свет
сошелся клином!

Дороги маневровых паровозов
Запутаны...
И старый машинист
Ждет семафора возле переезда.

По насыпи гурьбой идут мальчишки,
О чем-то меж собою говоря.
Идут по шпалам, лезут под вагоны
Стоящего состава, деловито
Поглядывая на сигнальный знак.
Потом руками машут машинисту,
Руками машут и бегут, бегут
Туда, туда, навстречу, к семафору,
Где загорелся вдруг зеленый свет.

А на обочинах цветет шиповник,
Качаются суровые былинки,
И пробивается трава сквозь щебень,
И жаркий ветер поднимает пыль
И гонит оторвавшиеся листья
На железнодорожные пути.

Горячий цех

Литейный мастер нам сказал:— Ребята,
Металл не знает о судьбе своей!—
И указал на черные вагоны,
Разбитые снарядами платформы,
Измеденные ржавчиной котлы.
То здесь, то там мелькали между ними
Литые бронированные плиты,
Разорванные пламенем бомбежки,
И острый угол взорванного танка,
И дуги развороченных цистерн.

У мастера в руках мелок крошился,
Он размечал чугунные квадраты,
Поглядывая в записную книжку
И спрашивая наши имена.

— Металл вернется в бой, и это наша
Военная задача на сегодня,—
Сказал усталый мастер и с тревогой
Взглянул на солнце...

Начинался день,
Обычный день. И по цехам завода
Воздушной почтой мчался ветерок.

И день и ночь не утихает пламя
В горячем цехе мировой войны.
И трудно вдруг поверить, что отныне
Судьба металла у тебя в руках.

Пламя

Я никогда не видел машиниста,
Который вел состав к передовой.
И кто он был? Седой солдат без страха
Иль новобранец, как сквозь сон глядевший
На «юнкерса» в кровавых облаках?
Что видел он в окно локомотива,
О чем он думал в этот страшный миг,
Когда из топки вырывалось пламя,
А из котла вдруг хлынула вода?

Машина поработала на совесть,
На совесть поработал человек.
И на обугленных боках осталась
Косая надпись: «Станция Война».
Сначала в цех вкатили на платформе
Большие паровозные котлы.
Какие в них перекипели воды
На бесконечных магистралах века!
Внутри котла чешуйчатая накипь,
Которую ничем отмыть нельзя.
Какие соли и какая щелочь
На стенках оседали по крупнице,

Рисунок Вениамина КОСТИЦИНА

ВЕЛИКИЙ
60
ОКТЯБРЬ

Вехи нашей истории

Леонид ПЛЕШАКОВ

Есть дела рук человеческих, которым выпало в истории олицетворять целую эпоху. Таков и Днепрогэс — стройка-символ, стройка-подвиг. Стройка, вобравшая в себя сразу несколько страниц биографии нашей страны.

Гидроэлектростанция, расположенная ниже днепровских порогов, была предусмотрена еще планом ГОЭЛРО, утвержденным Советом Народных Комиссаров в декабре 1921 года. К ее строительству приступили в начале 1927-го, а уже седьмого ноября, в день десятилетия Великого Октября, в фундамент будущей плотины была замурована памятная доска. Это был праздник строителей Днепрогэса, на который приехали члены правительства Украины, тысячи рабочих и крестьян из Москвы, Харькова, Киева, других городов и областей страны.

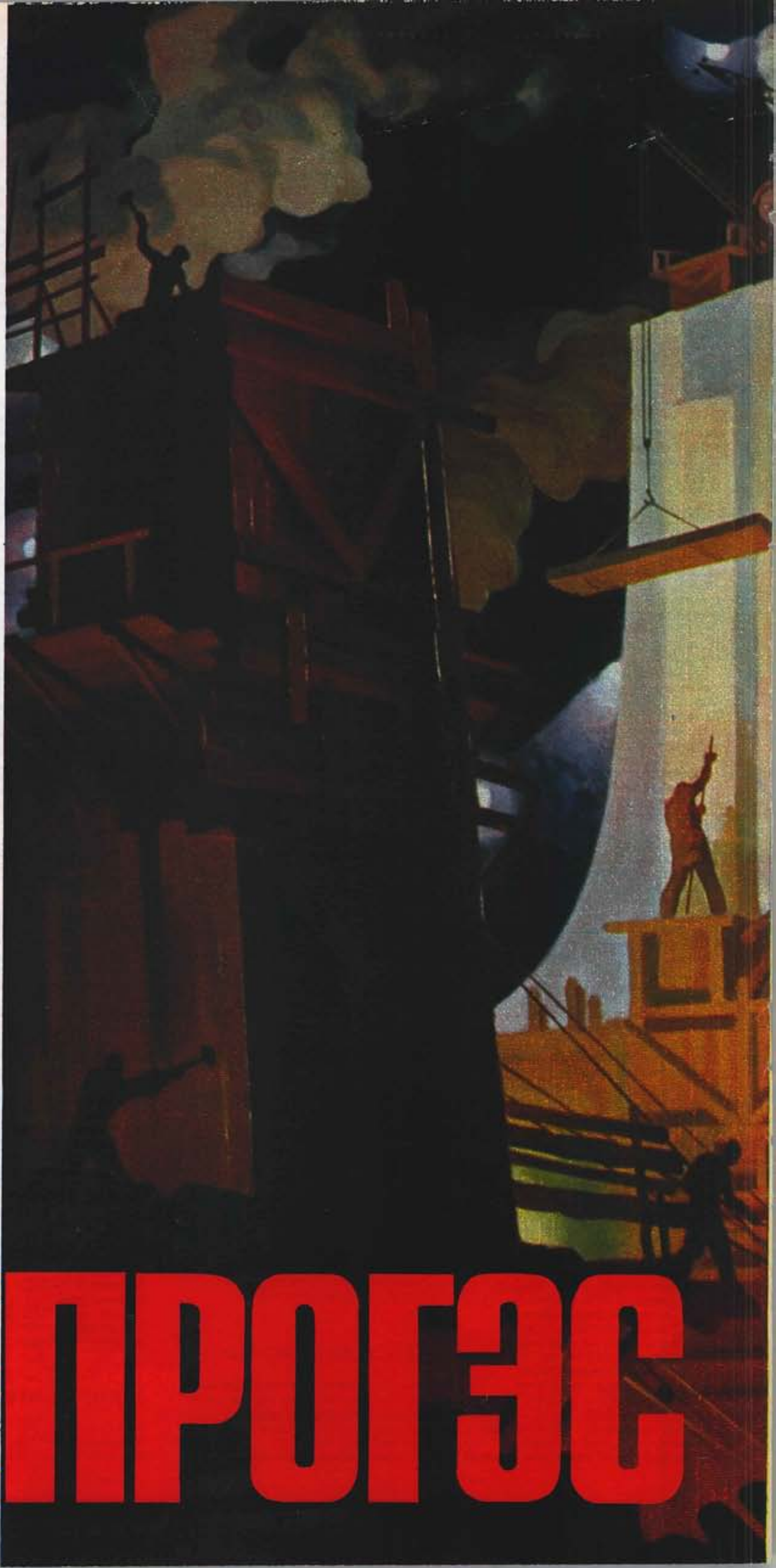
Через месяц пятнадцатый съезд ВКП(б) обсудил Директивы по составлению первого пятилетнего плана. Днепрогэс был назван одной из главных строек пятилетки.

В этом году — пятьдесят лет с начала строительства ГЭС. Уже пятьдесят.

В Запорожье, выросшем благодаря Днепрогэсу из уездного городка в современный промышленный и областной центр, я встретился недавно с Афанасием Афиногеновичем Дмитрусенко. Сорок пять лет назад, десятого октября 1932 года, в день торжественного пуска ГЭС, Михаил Иванович Калинин вручил ему орден Ленина № 337. Высшей наградой Родины был отмечен труд Афанасия Афиногеновича на строительстве гидроэлектростанции. Естественно, что моя беседа с этим свидетелем и активным участником замечательной стройки была о том героическом времени.

— Для сегодняшней молодежи строительство Днепрогэса — история. Тем не менее по делам энтузиастов первой пятилетки нынешние моло-

Н. И. Дормидонтов. ДНЕПРОСТРОЙ.

ДНЕПРОГЭС

— Как-то вызвал меня начальник нашего паровозного депо Дмитрий Лукич Трегуб. Осмотрел с ног до головы, говорит: «Ударник, а в галошах ходишь. Все-таки сам нарком с тобой говорить будет».

Понимаете, с обувью, ботинками там или туфлями на стройке туговато было. А галош завезли в достатке. Накрутишь портяночки или носки потолще наденешь — и хорошо. Я в них и на работу и после. Товарищ Трегуб знал о том не хуже моего, вздохнул: «Сапоги надо бы...»

Сапог не оказалось даже на складе. Они были только у бетонщиков, и то лишь на время смены. Заняли у них. Отмыли, отмочили, чтобы не морщились, погуше смазали детем.

Они встретились на плотине, нарком Серго Орджоникидзе и машинист Афанасий Дмитрусенко. Последнего сильно смущал крепкий «аромат» дегтя, издаваемый взятой напрокат обувкой. Но Орджоникидзе вроде бы и не замечал этого смущения.

— Много хорошего слышал о тебе, Дмитрусенко, — сказал нарком. — Хорошо работаешь. Да вот американцы пишут, что русские достигли таких успехов потому, что работают на машинах американского производства.

— Товарищ нарком, дайте нам наш, советский паровоз, мы еще не такое покажем...

Спор с американцами велся заочно и очно. На Днепрострое работала группа опытных специалистов из-за океана. Дело свое они знали. Трудились на совесть, честно отработывая большое жалование в твердой валюте. После, по завершении стройки, лучшие из них были награждены советскими орденами. Но вот одного американцы так и не смогли взять в толк: зачем работать сверх положенных норм, зачем торопиться, сокращать сроки, еще больше взвизгивать и без того высокие темпы. Сначала они не верили, что на Днепрогэсе удастся перекрыть их сезонный рекорд по укладке бетона. Потом не верили, что можно монтировать оборудование быстрее, чем делают это они.

— По плану американских специалистов, — вспоминает Дмитрусенко, — на монтаж каждой турбины полагалось 90 дней. Наши товарищи первую турбину смонтировали за 34 дня, вторую — за 29 дней, третью — за 27, а пятую — за 23 дня. Работали круглосуточно.

День десятого октября 1932 года стал самым радостным днем днепростроевцев: электростанцию официально сдавали в эксплуатацию. На торжественный митинг, посвященный этому событию, собрались тысячи строителей, в гости к ним приехали М. И. Калинин, Г. К. Орджоникидзе, С. В. Косиор, В. Я. Чубарь.

— На площади около машинного зала народу — не протолкаться. На трибуне наши передовики, члены правительства. В своем выступлении М. И. Калинин сказал, что пуск Днепрогэса — великий праздник всех трудящихся Советского Союза. На сооружение этого чуда современной техники страна ассигновала огромные средства, рабочие отдали стройке много сил и энергии, и в результате родилась самая мощная гидроэлектростанция в мире. Он сообщил, что с этого дня правительство зачисляет ГЭС в число действующих предприятий страны и ей присваивается имя В. И. Ленина. Комсомольская организация Днепростроя за доблестный труд тоже была награждена орденом Ленина.

Потом зачитывали приветствия, которые шли со всего мира. Нас поздравляли москвичи, ленинградцы, Президиум ВЦСПС, прислали телеграммы Максим Горький, Теодор Драйзер, Союз писателей СССР.

Выступивший на митинге глава американских консультантов мистер Х. Купер сказал, что под его руководством построено много больших гидроэлектростанций в разных частях мира: в США, в Канаде, в Египте. Он особо отметил тот факт, что все вместе они имеют мощность 1400 тысяч лошадиных сил, тогда как мощь одного Днепрогэса равна 810 тысячам лошадиных сил.

Потом был банкет...

Все старые днепростроевцы, кому довелось быть на банкете, — пригласительный билет давали тем, кто проработал не менее двух лет, — при разговоре со мной обязательно вспоминали такой важный, с их точки зрения, факт:

— На банкете подали борщ и по две котлеты с макаронами. Котлеты огромные, ну прямо в ладошку...

И Афанасий Афиногенович рассказал мне об этом. Ох, не сытно же они жили.

Для Дмитрусенко тот день памятен вдвойне.

— Как-то так уж случилось, что на десятое октября назначили мы с Катей свою свадьбу.

— Гостей много не звали, — продолжает Екатерина

Павловна, — вместе с нами человек восемь всего и было. Да в нашу комнатку больше бы и не втиснулось...

— На банкете кто-то сказал, что, мол, у Афанасия сегодня свадьба. Ну, сразу шум, поздравления. Собрали кое-что из закуски, дали мне машину — езжай женись. Приехали домой, только сели за стол, приходит посыльный: вызывают, мол, в управление срочно. Извиняюсь перед гостями, еду. Оказывается, сорок один днепростроевец, и я в их числе, награждены орденами Ленина. Пока М. И. Калинин вручал ордена, пока говорились полагающиеся в таких случаях слова, стемнело.

А дома гости ждут. Мой будущий тесть, Павел Алексеевич, говорят, весь кипел, дочке разнос устроил, что такого непутевого мужа нашла... Ну, а когда я объявился с орденом, все успокоилось.

Может создаться впечатление, что днепростроевцы умели только работать и стойко переносить лишения. Нет, они умели еще и мечтать. В тот день, десятого октября, они послали правительству телеграмму, где были и такие строки:

«...Пройдут годы, Великая Советская страна наша построит еще более грандиозные станции на Волге, потом на Ангаре, но навсегда в памяти народа останется великая и прекрасная поэма строительства самой крупной в мире гидроэлектростанции на Днепре...»

Останется в памяти народа и другой подвиг комсомольцев первой пятилетки — участие в Великой Отечественной войне. Ведь этому поколению пришлось воевать «от звонка до звонка». Я спросил Афанасия Афиногеновича, где сейчас его товарищи по бригаде.

— Все погибли в войну: Илюша Копейкин, Даня Беклемищев, Женя Жеваго...

Воевал и сам Дмитрусенко, был тяжело контужен. Воевали и все три его брата. А младший, Яков, погиб, защищая родную станцию Лозовую. Не вернулись с фронта и мужья всех пятерых сестер: Елены, Анны, Клавдии, Федоры, Марии. Сама Мария тоже погибла.

Вот такое это было поколение.

В конце нашей беседы Афанасий Афиногенович посетовал:

— Надо бы на том месте, где раньше стоял ДИТР — Дом инженерно-технических работников, — памятник поставить. Ведь там все наши собрания проходили. Там Серго выступал, Винтер...

А я подумал: разве можно придумать вам памятник лучше, чем сам Днепрогэс? Ведь он тоже немало вынес. Бомбили его. Взрывали по частям. Минировали, готовясь уничтожить полностью. Когда через несколько дней после освобождения Запорожья Дмитрусенко попал в родной город — его часть наступала километрах в тридцати, — он заплакал, увидев руины станции. Через разорванное тело плотины хлестала днепровская вода. Старый Кичкас поднялся со дна водохранилища с каменными домами, голыми тополями и двумя каменными медведями у места бывшей переправы. Враг хотел уничтожить Днепрогэс. И сделал все для достижения цели. Но Днепрогэс выстоял. Выстоял благодаря днепростроевцам. Они восстановили станцию, плотину, залатали, заштукатурили все раны. Только бычок № 19 остался таким, каким он был в день освобождения города от фашистов. Я пытался пересчитать все осколки от осколков и пуль, исклевавших его поверхность. После двух сотен сбился со счета, а сосчитал вмятины едва ли на трех квадратных метрах. Стальные сердечники броневых пуль до сих пор все еще торчат в теле бычка и в сырую погоду сочатся ржавыми слезами по бетону. Такой вот памятник упорству и стойкости.

Перед самым отъездом из Запорожья я зашел в управление орденов Ленина и Трудового Красного Знамени треста «Днепрострой», говорил с его сотрудниками о нынешних делах строителей. Вспомнили, конечно, и героев первой пятилетки.

— Но как все-таки они здорово работали! — с восхищением говорили о своих предшественниках нынешние днепростроевцы. — Когда мы начали закладку здания машинного зала ГЭС-2, у левого берега вырыли котлован. От Днепра отгородились насыпной дамбой, от водохранилища нас защищала плотина Днепрогэса. При выемке грунта подошли к самому основанию плотины, там, где она сцепилась со скалой. И, знаете, контакт бетона и гранита оказался идеальным — в котлован из водохранилища совершенно не сочилась вода. Это при высоте-то напора воды тридцать семь метров! А ведь почти пятьдесят лет стоит плотина. И взрывали ее и бомбили — в основании плотины нет даже трещинки. Хорошо они тогда «топтали бетон».

Сергей ДАВЫДОВ

Тайна

*Люблю не стихи, а слова,
которые были сперва,
еще не сведенные в строй,
подобие глины сырой.*

*Поэт их расставит в ряды
и хмуру отпустит в полет.
Но тайна полета —
в посадке
в холодный еще самолет!*

Имя на камне

*На берегу Татарского пролива,
где чайная базарная орава
ведет себя особенно крикливо,
где ползает и сохнет в час отлива
морская снедь — закуска и приправа,
где затонувший остов парохода
лежит в песке с неведомого года,
где, вечного закона не наруша,
идет на гибель вечная горбуша;
на берегу Татарского пролива,
где холодно, и ветрено, и серо,
безлюдно, безотрадно, сиротливо,
кто вырезал на камне имя «Вера»?*

Хлеб

*Искореженный, синий
впился в стены металл,
и забуренный иней
все углы обметал.
Опаленным бетоном
быт пропах ледяной.
Для меня был как донор
белый шкафчик стеной.
Средь житейского хлама —
фляг, кастрюль,
фонарей —
сохранила здесь мама
полкулька сухарей...
Промороженный воздух
грудь вдыхала с трудом.
Тихо в прошлое гвозди
забивал метроном.
Вдруг стучался дежурный:
«Маскировку проверь!»
Я под утро бесшумно
шел на белую дверь.
И таинственно, слепо
трогал дрожью руки
нежными камушек хлеба,
все его бугорки.
Грыз я хлебный осколок
в тишине потайной,
пах он гаванью, школой,
сразу всей довойной.
Тьма, бомбежки, остуда
уходили тотчас...
Но откуда, откуда
хлеб в квартире у нас?..
Среди льда и металла,
дней, сводящих с ума,
мать ребенка спасала,
а сама,
а сама...*

В чайхане

*На кошке с мудрецом стихотворец беседовал,
на неверную славу он горестно сетовал:
— Я рисую лишь суть, ничего не скрываю,
все бинты с наболевшего сердца срываю,
но меня критикуют, пойми, в чем вина,
в каждой строчке моей только правда одна...
Расскажи мне, чего от меня они ждут,
я тебе отдаю свои песни на суд!*

*Стал поэт ожидать своего приговора,
но мудрец дал ответ ему очень не скоро,
он до звезд просидел, бороδοю качая,
выпив двадцать пиал ароматного чая.
— Мда-а... — промолвил мудрец, отдуваясь устало, —
всюду правду искать — это тоже немало,
правда — ценная вещь, но еще бы не худо
в каждый стих добавлять и немножечко чуда!*

Первый Всесоюзный слет трудовых объединений школьников... И в порядковом номере и в самом названии слета — новизна. Новизна жизни, показатель тех устремлений и успехов, которые одержаны нашей школой в трудовом воспитании учеников. Слет состоялся в августе и проходил в Москве и Подмоскowie. Одному из его участников — С. Майорову из Горького — мы предоставляем слово в этом номере. Его письмо — рядом с фоторассказом о сельском профтехучилище на Владимирщине. Соседство это не случайно. И в школах и в училищах, как показывает жизнь, растет достойная смена будущих работников, тружеников, профессионалов, которые успешно готовятся принять из рук старших самую главную, самую ответственную эстафету — эстафету труда и созидания.

Выпускной класс. Через несколько месяцев экзамены, прощальный вечер в школе... Грустно немножко. Но не так уж и грустно, когда твердо знаешь, куда пойдешь после, когда есть коллектив, готовый принять тебя. У меня такой коллектив есть — рабочие нашего знаменитого автозавода. Это мой коллектив, и не только потому, что там работают мои родители. Я и сам сегодня причастен к делам завода.

В девятом классе у многих школьников нашего Автозаводского района, как

и у меня, было большое событие: первое знакомство с экспериментальным учебным цехом, созданным при ГАЗе. Цех — это семь просторных, хорошо оборудованных классов с пособиями для теоретического обучения, это десять участков — токарных, слесарных, фрезерных... «Добровольцы» из девятнадцати школ раз в неделю ходили учиться работать в этот цех. А потом один летний месяц трудились в цехах основного производства.

Первый раз переступив порог учебного цеха, с опаской смотрели мы на ряды незнакомых станков. Два чувства были — гордость оттого, что теперь будем

делать настоящие детали для машин, и неуверенность: а вдруг ничего не получится? Ведь у нас уже были экскурсии по заводу, и мы знали, насколько это сложное дело — создание современного автомобиля. Даже в старой полutorке сотни сложных узлов и деталей, а сколько их в «Волге»?

Наставники старались ободрить нас. Они напоминали, что многие наши старшие товарищи, не так давно кончившие школу, стали уже настоящими мастерами. Например, слесарь-инструментальщик Сергей Голованов стал призером конкурса «Золотые руки», имеет четвертый разряд. Да мы и сами вспомнили,

с какой ловкостью, изяществом делали различные детали на том конкурсе недавние выпускники, даже те, кто не стал победителем.

В том, что эти ребята сейчас стали квалифицированными рабочими, большая заслуга наших наставников.

Тринадцать лет работает в учебном цехе Авраам Иванович Дятлов. Токарь высшей квалификации, награжденный значком «Ветеран автозавода», он решил передавать свой опыт молодым и стал мастером производственного обучения. Дар педагога и большое мастерство позволили ему обучить своему ремеслу сотни старшеклассников. Сей-

ВСТУП

Земля ласку любит». Эта старинная поговорка при нынешнем размахе сельских работ требует дополнения: земле нужна любовь профессионалов, вооруженных всем современным опытом хозяйствования и тем нравственным опытом, который передается крестьянину, хлеборобу, из поколения в поколение. Именно в воспитании таких людей видят смысл своей работы преподаватели Бавленского СПТУ-9, которое находится в самом сердце нечерноземной полосы России — на Владимирщине. И именно потому, что такие люди выходят из стен училища, ему присуждено почетное звание лауреата премии Ленинского комсомола.

Как же непохоже оно сегодня на то учебное заведение, которое в июле 1935 года создавалось на базе Александровского зерносовхоза! Тогда здесь числились один допотопный трактор, один комбайн, один плуг и одна сеялка. Сейчас учебный парк СПТУ-9 состоит из 56 тракторов различных марок, 12 ком-

**СЕГОДНЯ — УЧЕНИК,
ЗАВТРА — МЕХАНИЗАТОР.**

байнов «Колос» и «Нива», 12 автомобилей... И однако не столь давно Владимирский обком КПСС принял постановление «О мерах по развитию и укреплению материально-технической базы училища».

Оно поистине стало кузницей кадров для Русского Поля. Если в первом выпуске было всего 35 трактористов, то нынче во многих районах области каждый второй механизатор — выпускник училища. Его ежегодно заканчивают 550 человек — это механизаторы широкого профиля, специалисты со средним образованием.

Училище вырастило целые сельские династии — Кубаревых, Сачковых, Павловых... А если некоторые ребята прихо-

В ТИ

Андрей ФИЛИПОВ

ПОСЛЕ РАБОТЫ.

Сергей МАЙОРОВ,
ученик школы № 133 г. Горького

ПЕНИЕ

час все его выпускники работают по высокому разряду, многие догнали учителя, стали ударниками, гвардейцами пятилетки. Они часто вспоминают наставника. А он всегда радуется, слыша об успехах своих воспитанников.

«Ни одного отстающего рядом» — под таким девизом работаем мы в учебном цехе. Ведь от того, насколько быстро мы овладеем той или иной операцией, во многом зависит успех всего производства. И пусть мы делаем пока не очень сложные детали — ролики, пальцы, оси, слесарный инструмент, — но именно здесь, у станка, мы впервые поняли, что даже на самом небольшом участке че-

ловек должен делать свою работу со всей ответственностью. И еще мы поняли: стать к станку — это еще не значит стать рабочим, даже если ходишь в спецовке и у тебя в кармане заводской пропуск. Надо, чтобы рабочий коллектив принял тебя, признал своим. Это особенно хорошо ощущают наши старшие товарищи — те две трети выпускников школ района, что пошли на завод, поработав сперва в учебном цехе.

К нам здесь всегда относились как к равным, без скидок на возраст. И мы старались оправдать доверие. За время работы в учебном цехе мы выпустили продукции больше чем на 60 тысяч

рублей. Еще на 2,5 миллиона рублей мы изготовили ее во время летней трудовой четверти.

Труд на автозаводе позволил испытать себя, дал хорошую закалку, изменил отношение ребят к учебе. Они увидели, что современное производство требует грамотных людей, что школьное образование тут не пропадает, напротив, его иногда не хватает.

На первом Всесоюзном слете трудовых объединений школьников, который состоялся в августе в Москве, мы узнали много нового, познакомились с работой подмосковных школьников во время летних каникул — они в июле выходят

СОРЕВНОВАНИЕ. В КОТОРОМ НЕТ ПОБЕЖДЕННЫХ.

на поля, встают к ткацким станкам... Увидели, что многое нужно бы перенять и нам. Например, в городе Калининграде, Московской области, школьники, работающие летом на заводах, после выпуска сразу получают разряд. У нас пока этого нет, но, верю, будет.

Сейчас в Горьком по почину выпускников сормовской школы № 31 развернуто движение «Всем классом — на завод». Поддерживая его, половина выпускников школ Автозаводского района выбрали рабочую специальность.

РАЗУД

Фото Татьяны МАЛЯРЕНКО

ПЕРЕДЫШКА.

дят сюда «трудными», то уходят замечательными парнями. Так было с Борягиным и Ефимовым, так случается и с другими. И, быть может, самой исчерпывающей характеристикой уровня учебно-воспитательной работы в училище служат слова Александра Кузьмича Одинцова, заместителя директора СПТУ-9: «У нас не бывает ЧП». А не бывает их потому, что преподаватель автодела Н. Ф. Серов оборудовал с группой учащихся пульт управления аппаратурой, создал автотренажер, действующую модель электрооборудования автомобиля; потому что преподавательница математики Т. К. Ленова ищет и находит пути, как заинтересовать и увлечь предметом тех, кто равно-

душен; потому что комсомольский вожак Оля Финогенова вносит свою инициативу в распорядок будней общешкольного, организует увлекательные экскурсии, вовлекает многих в спортивные мероприятия; еще здесь не бывает ЧП потому, что 213 человек — активные участники художественной самодеятельности, и концерты агитбригады училища хорошо помнят и в совхозе «Большевик», и на заводах, и в совхозе имени XVII партсъезда... А главное в том, что пуще всего здесь увлечены земледельческим трудом, живут любовью к нему, действенной, активной, азартной.

Сельское профтехучилище... Его полевой клин, его сенокосные угодья окаймлены зелеными лесами и как бы одарены той вечной красотой русского Нечерноземья, которая не кончается, не гаснет ни солнечным летом, в пору поспевания хлебов, ни осенью, когда уже поднята зябь, ни зимой, когда пышно лягут на поля белые снега, ни в новом рождении сельского года — весной...

**В РАЗГАРЕ СТРАДА
ДЕРЕВЕНСКАЯ.**

Доктор медицинских наук Александр Васильевич Чаплин работает заведующим отделом эпидемиологии злокачественных опухолей Онкологического научного центра Академии медицинских наук СССР, он председатель проблемной комиссии АМН СССР. Его хорошо знают и за рубежом: более четырех лет он руководил Отделом опухолей Всемирной организации здравоохранения в Женеве. Однако профессора Чаплина привлекают не только исследования в

своей области, не только популяризация той сложной науки, которой он занимается. Им изданы несколько документальных книг, а среди его многочисленных рукописей есть и произведения художественного жанра — правда, и в них Александр Васильевич зачастую остается верен той теме, которой он целиком посвятил себя в науке.

Мы печатаем один из рассказов А. Чаплина.

ЗАМОРОЖЕННЫЕ НАДЕЖДЫ

Александр ЧАКЛИН

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

1

Этим утром Патрик проснулся рано. За окном особняка изредка слышался шум автомобиля. Обычно Патрик лежал в спальне, окна которой выходили в сад, а вчера попросил перенести его в кабинет на диван. Большой, кожаный, с деревянными головами львов и томами Британской энциклопедии между ними, он нависал над его ослабевшим и похуевшим телом.

Пепельницы всех видов, которые он вывез из многих стран, заполняли комнату. Горел ночник — маленькая лампочка за бронзовой фигурой обнаженной женщины. Тень ее фигуры вырастала над камином и удивительно напоминала Джейн в молодости.

Он повернул ночник, и Джейн стала в профиль и как будто помахала ему рукой. Непонятно, прощалась ли она или, наоборот, приглашала за собой.

Патрик закрыл глаза и увидел юную Джейн — гибкую и капризную, ласковую и требовательную. Она стала его женой, но другом — нет. В свои планы Патрик ее никогда не посвящал. Причина была веской: она слишком благоволила к Джиму, его другу и сопернику в делах. Джейн не скрывала своей привязанности к Джиму. Эта любовь длилась долго, пожалуй, слишком долго...

Освобождение пришло неожиданно. Воздушные гангстеры захватили самолет над Атлантикой, и Джим вступил с ними в драку. Джима убили и смертельно ранили Джейн. На смерти Джима Патрик выиграл пять миллионов долларов. Он имел уверенность и, пока родственники Джима спохватились, успел сыграть на бирже его акции.

С тех пор прошло двадцать лет. Он обменивал годы на доллары — их становилось все больше, но здоровье таяло.

Сначала он покашливал. Стало труднее дышать. Когда появились боли, он поехал в клинику профессора Мано. Разговор был малоприятным. Ему показали рентгеновские снимки — большая тень лежала у корня правого легкого. Недвусмысленно спросили, кто его родственники, распорядился ли он своим наследством...

В кабинет постучали, и в комнату вошла молодая женщина. Странно, что в Айлин — почти полной копии Джейн — он находил и свои черты. Это была дочь Джима. Воспитанная им, Патриком, она повторяла не генетические, а приобретенные черты. Знала ли она, кто на самом деле ее отец? Айлин было восемь лет, когда погибла мать.

— Как дела, папа? Удобно ли тебе в кабинете? Зачем ты придумал это путешествие из спальни?

— С этим кабинетом у меня связаны воспоминания о победах и поражениях, а в спальне уж очень одиноко.

— Ну и что тебе снилось — победы или поражения?

— Теперь мне не остается ничего, кроме поражений.

— Оставь этот пессимизм! Человек, который все может, а я привыкла считать тебя таким, найдет выход из любого положения. Заплати врачам два-три миллиона, и они придумают средство для твоего лечения.

— Пока они будут придумывать, меня не станет...

Погоди-ка! А ведь и в самом деле девочка подкинула ему интересную мысль.

2

— Папа, ты не забыл, что сегодня к тебе должен прийти доктор Винтер? Сейчас одиннадцать, а ты приглашал его на ленч.

Джо Винтер не был врачом-практиком — это был ученый, изучавший причины раковых опухолей. Несколько лет тому назад Патрик случайно познакомился с ним. С тех пор они изредка встречались. Винтер был точен. Высокий, подтянутый, в элегантном костюме, он весь как бы светился здоровьем, стремясь, видимо, с первого шага подбодрить больного и заразить его своим оптимизмом.

Патрик сидел на диване, опустив отекишие ноги в мягкие туфли. Айлин хлопотала по хозяйству — сама принесла закуски, поставила бокалы и налила в тарелки луковый суп, который так любил Патрик.

— Итак, мы пьем за исцеление, — начал Винтер.

— Идите вы к черту и не вздумайте играть со мной в кошки-мышки. Перед вами живой мертвец, но чувства юмора он еще не потерял. Имейте мужество

говорить с ним прямо, и давайте разберемся, есть ли у меня виды на будущее. Если я не смогу купить выздоровление сегодня, то, может быть, завтра или послезавтра? Сколько времени у вашей науки между сегодня, завтра и послезавтра? Год, пять лет или столетие?

Айлин подняла бокал.

— Джо, вы должны простить папу за прямоту, а меня за то, что я молчала и не рассказала ему о нашей дружбе. В конце концов он должен знать все или хотя бы почти все. Папа, мы связаны более чем знакомством. Я люблю Джо и хочу за это выпить.

— Что же, детка, ты истинная дочь своего отца, — задумчиво произнес Патрик.

3

— Так вот, мой дорогой будущий тесть! — При этих словах Патрик весь съезжился, ему показалось, что его вдруг обворовали. — Давайте играть в открытую. Мы с Айлин заинтересованы, чтобы вы жили долго, как можно дольше, и пусть вас не мучают подозрения... Но как бы мы ни желали этого, дело очень серьезное, и, я уверен, виноваты эти проклятые сигареты. Да-да!.. Сорок штук в день — и восемь лет жизни долой. Вы за год получали в легкие 800 граммов густого дегтя — того самого дегтя, который я регулярно вычищаю из своей трубки. А ведь двух миллиграммов так называемого бензоапирина — ракообразующего вещества, которое есть в табаке, — достаточно, чтобы у подопытного животного возникла опухоль. Вы продукт нашей цивилизации и пожинаете ее плоды в полной мере. Ирония судьбы в том, что именно вы субсидируете табачное производство. Вы ведь даже боролись с теми, кто хотел на пачках сигарет писать об их опасности...

— Послушайте, Джо, вы еще не мой зять и не затрагивайте моих финансовых дел. О табаках вы мне не говорите. Вот уже полгода, как я перешел на трубку, кстати, по рекомендации английских врачей.

— Да, но вы не учли, что до этого сорок пять лет курили сигареты и, главное, как я заметил еще в клубе, каждую до конца. А ведь самая опасная часть сигареты та, которая ближе всего ко рту, — последняя треть. Один француз в шутку предложил даже вкладывать в эту часть сигареты взрывчатку...

4

Джо уехал. В кабинете рядом с Патриком легла гнетущая тишина. И так, подумал он, остались две возможности: смерть в ближайшие месяцы или, быть может, таинственная неизвестность в ожидании великого открытия. Неужели это реально? Он дрожащей рукой достал из-под подушки уже не раз просмотренную газету.

Патрик развернул ее и в который уже раз начал перечитывать статью с броским названием «Ледяное спасение». Как всегда, заголовок сенсационный. Вот только есть ли оно на самом деле, это ледяное спасение? Ведь пока изучено лишь начало процесса — замораживание. А что известно о размораживании?

Джо и Айлин... Ну что же, пара неплохая... Плохо со стороны Айлин, что она скрывала это от него, но в этом вся Айлин. Она может быть злой и доброй, печальной и веселой. Все в ней меняется мгновенно. Сплав Джейн и Джима, двух неудачливых удачликов. Но что даст сплав Айлин и Джо? И увидит ли он, Патрик, своих внуков? Теплая волна захлестнула его и подступила к сердцу — сама возможность появления в доме внука никогда не ощущалась так реально, как сейчас, в тишине этого вечера.

5

Консилиум собрался в библиотеке, примыкающей к большому кабинету, снабженному целой системой аппаратуры для обследования пациента. Каждый из аппаратов был связан с электронно-вычислительным центром. Из кабинета вел длинный коридор в анестезиологический центр и в самое заветное — в «усыпальницу королей», как ее назвал молодой ассистент клиники Бердки. Шеф предпочитал другое название — «пирамида Хеопса». Это была дань его увлечению древней историей.

В центре кабинета стояла специальная каталка на толстых каучуковых шинах. Она имела свое название — «лодка Харона». Сестер тут называли Парками, которые плетут нить жизни и готовы в любой момент ее отрезать.

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ.

В их руках могли оказаться к тому же судьбы капиталов, клиентов, клиники, ведь любую из них могли подкупить родственники спящих. И поэтому сестер не допускали даже в преддверие этого рая, где царил тишина и комфорт. Каждый здесь ждал своего часа, за каждым наблюдала комиссия, в которую входили не только врачи, но и юристы.

Состояние анабиоза. Жизненные процессы сведены до минимума, и тем не менее система питания налажена. Но шеф мечтал о большем, о системе, при которой мозг его подопечных мог бы действовать — получать и выдавать информацию. Над этой идеей уже работали специалисты. Если удалось бы добиться ее осуществления, он становился фактическим хозяином многих капиталов. Тогда бы все распоряжения в банки, на биржу могли идти только при его участии. Стоимость содержания каждого охлажденного не превышала 200 тысяч долларов в год, а совместный капитал его молчаливых подопечных уже достиг шести миллиардов.

Самая большая трудность была не в медицинских проблемах, а в этических. Требовался хороший юрист, который в то же время был бы достаточно предан и хитер. Экзамен выдержал Хаули. Теперь, пока высокочтимые консультанты собирались в библиотеке, шеф и Хаули закрылись в кабинете.

— Так сколько оставит в банках этот Мерди? — спросил шеф.

— По моим расчетам, тридцать пять миллионов.

— Ну, это не бог весть что. Он будет занимать третье место — после Роджерса и Морелли.

— А что, если мы попробуем на нем систему «мозг — шеф — банк»? Назовем ее проще — МШБ-1.

— Двадцать четвертый кандидат, — задумчиво сказал шеф. — Надо попробовать сохранить его духовную сферу, к тому же я хочу один из вводов в шлем соединить с телелокатором в его доме, пусть испытывает иллюзию жизни в семье. Мы должны заботиться о комфорте и благополучии «ожидающих». — С этими словами он открыл тяжелую дубовую дверь, которая вела в библиотеку, где заседал консилиум. — Прошу уважаемых коллег приступить к обсуждению кандидата.

Папка в красном переплете с тиснением «Патрик Мерди-24» легла на стол. Медицинское досье. Врачи не должны были знать деталей социального плана. Их забота — организм, а душа лежала в коричневой папке Хаули. Все это было обусловлено в специальном договоре с клиентом...

— Итак, господа. Пациенту 59 лет, группа крови 1-я, рост 179 сантиметров, вес 72 килограмма. Обследован в трех клиниках. Вот рентгеновские снимки и результаты ангиографии — судите сами. Положение критическое. Больной об этом знает и держится мужественно. Решил прибегнуть к нашей помощи. О возможностях клиники полностью информирован. Вы, господа, я знаю, верите, что через 20—30 лет эти формы рака можно будет вылечить, а я склонен думать, что в лучшем случае размораживанием мистера Патрика займется мой внук.

— Ваш Мерди меня мало волнует, — вставил реплику один из членов консилиума. — Я хочу спросить, как у нас вообще обстоят дела с опытом размораживания. Имеем ли мы моральное право набирать новых клиентов?

Шеф иронически посмотрел на оппонента и, улыбаясь, размеренно заговорил: — Да, сэр, вы, как поборник истины, весьма резонны в вашем вопросе. Так вот, во-первых, сэр, в эксперименте на животных все проверено до мелочей. Ваш пессимизм, мне кажется, необоснован. И я, как экспериментатор, могу сказать: мы достаточно знаем, чтобы иметь моральное право продлевать клиническую смерть. Сочетание общего охлаждения организма с наркозом еще в 1912 году открыло нам этот путь. Русский ученый Бахметьев искусственно вызвал зимнюю спячку животных. Позвольте вам напомнить о его замечательном опыте с летучими мышами. Он снижал им температуру тела до минус 10 по Цельсию, жизненные процессы в организме почти полностью прекращались, а смерти не наступало. Именно он назвал это состояние анабиозом... А знаменитые опыты французского ученого Луи... Он охладил сердце куриного эмбриона до минус 196 градусов, и, представьте себе, после отогревания это сердце вновь забилося. Надеюсь, эти примеры достаточно убедительны. Но вся беда в том, что у нас пока нет основания кого-либо размораживать...

Один из присутствующих поднял руку.

— Разрешите мне, как онкологу, возразить вам. Я гораздо более оптимистичен и верю в лучевую терапию. Думаю, мы делаем большую ошибку, что избираем тактику простого ожидания. Если начать длительную терапию у замороженного, то, может быть, тут открылись бы новые возможности. Наш отдел предлагает сотрудничество...

Наступило молчание. Шеф, видимо, готовился к ответу. Он стучал карандашом по столу и несколько раз переводил взгляд с оратора на Хаули.

— Уважаемый Гарднер, вы правильно ставите вопрос, но тут есть чисто этическая проблема. В одном из пунктов договора записано, что разморозить клиента можно только тогда, когда будет открыто средство для радикального лечения. Мы взяли с вами лишь за сохранность тела. Лечение основной болезни не входит в наши планы и в договоре не обусловлено. Я думаю, мистер Хаули будет возражать, если мы вдруг начнем лечение «ожидающих».

— Если даже экспериментально будет доказано, что это целесообразно?

— Да, даже при этом условии. Право опеки со стороны родственников только у пяти, остальные своим родственникам не доверились и распорядились сами собой. Можно обдумать план переговоров с теми родственниками, которые наделены соответствующими правами, но я сомневаюсь, чтобы они так легко дали согласие... Однако мы отошли от основного вопроса: согласны ли вы на замораживание Патрика Мерди? Кто согласен? Благодарю вас... Кто против? Нет. Как обычно, один воздержался.

6

Кровать-каталка была удобной. Итак, первая жизнь позади, а будет ли вторая — неизвестно. В доме остались Айлин и Джо. После свадьбы они выглядят счастливыми и беззаботными. Как это он расчувствовался до такой степени, что оставил Айлин доверенность на ведение дел! Правда, с оговорками, но это мало что меняет. Пробуждение будет загадкой, но ледяной сон лучше, чем боли в груди и эта слабость...

В музыку, которая лилась из вмонтированных в шлем наушников, вошел чей-то уверенный голос:

— Вы начинаете забывать о своих волнениях. Они бренны, их больше не будет. Вспомните самые лучшие дни в вашей жизни. Они были и еще будут не однажды, надо только уметь ждать! Мы вам поможем, мы научим вас ждать...

Окончание на 25-й стр.

ЧЕЛОВЕК ИЗ СТ

НА «ОХОТЕ».

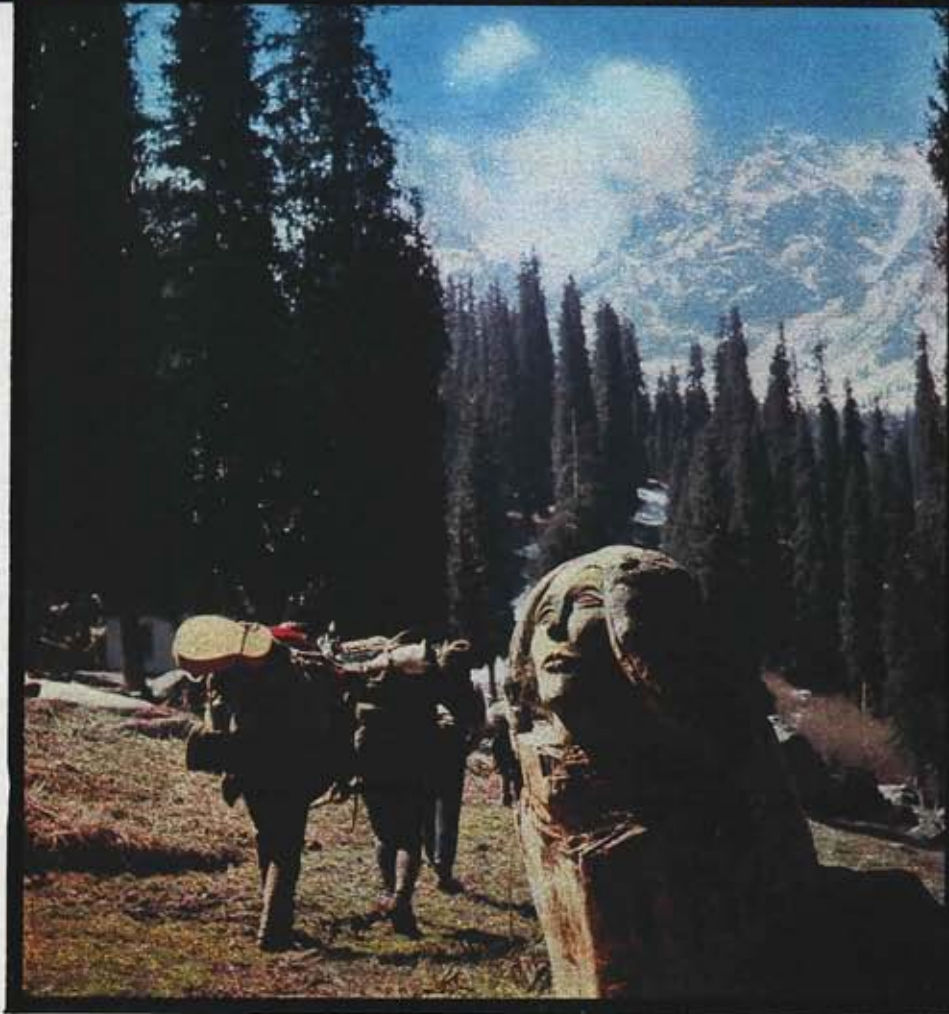
Юрий ЛУШИН.
Фото автора.

Он долго искал это место и едва не прошел мимо неглубокой ложбины, которую потом объявили шмелиным заповедником.

Он видел, что куда-то в ту сторону плыли, солидно роко-ча, шмели, проносились одиночные пчелы. Временами у стволов деревьев они опускались к самой земле, ненадолго присаживались и снова взлетали.

«Метки оставляют на брачных дорогах,— безошибочно определил он.— И сколько же их тут? Где-то недалеко, видно, полянка есть хорошая— общежитие».

Он хотел проследить поточнее направление полета шмелей, но времени

**ШМЕЛЬ—
ПО-ЛАТИНСКИ «БОМБУС».**

**ЧТОБЫ РАЗГАДАТЬ
ТАЙНЫ ПРИРОДЫ...**

**ПЕРВЫЙ В СТРАНЕ
ШМЕЛИНЫЙ ЗАПОВЕДНИК
ВОЗНИК
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.**

НАСЕКОМЫЕ — ЛЮБИМЫЕ ГЕРОИ
АКВАРЕЛЕЙ ГРЕБЕННИКОВА.

до заката оставалось всего ничего, и он понял, что сегодня не успеет. Тогда он перестал торопиться, присел у дерева, привалился спиной к комлю и блаженно вытянул ноги.

...Существуют на земле люди, которых называют чудаками. Их действия окружающим предстают непонятными, а то и просто вздорными. Их мысли порой кажутся чуть ли не бредовыми...

Ну, зачем, спрашивается, с точки зрения здравого смысла, директору художественной школы ловить в свободное время всяких там козявок да букашек, бегать по полям и легкомысленно махать сачком, как мальчишке? Где же авторитет?

Надо сказать, эти вопросы никогда не мучили Виктора Степановича Гребенникова, как не мучили его соображения карьеры, престижа... В свое время в маленьком Исылкуле — проклятом морозами и солнцем городке на краю Омской степи — он из обычного кружка создал первую в Западной Сибири детскую художественную школу и стал ее директором. Но когда оказалось, что занимать этот высокий пост без диплома нельзя (а диплома Гребенников действительно не имел. Так уж сложилась нелегкая его жизнь, что не до вуза

РАНЫ ЗАГАДКОК

было), он легко уступил свое директорское кресло другому, став рядовым преподавателем и даже обрадовавшись, что теперь выкроит больше времени на свои увлечения.

Исилькульские же детишки не интересовались, есть ли диплом у Виктора Степановича. Они валом валили в новую школу. Он учил их правильно держать карандаш и кисть, объяснял законы перспективы и популярно излагал историю искусства.

Кроме того, он знал и умел много такого, чего не умели и не знали другие. Он мог соорудить самодельный микроскоп или телескоп, мог рассказать о привычках пчел, жуков, бабочек, шмелей или о жизни далеких звезд. Он мог объяснить устройство муравейника и шмелиного гнезда. Он мог так нарисовать своих любимцев—муравьев, шмелей, ос, других насекомых,—что они казались на картинах живыми. А в квартире у него жили настоящие живые муравьи и шмели, которые утром вылетали на цветущие луга, но к вечеру обязательно возвращались, безошибочно узнавая окна квартиры Гребенникова.

— Как это происходит?—спросил его однажды изумленный исилькульский мальчик, не ведая, что этот простой вопрос задавал и задает себе сам Гребенников всю свою жизнь. Однажды, еще в детстве, он поинтересовался у взрослых:

— Отчего бабочки красивы?

И ему объяснили, что бабочки берут свою красоту у цветов вместе с пыльцой. Он выслушал это объяснение и... не поверил ему. Уже тогда он заметил, что у самых разных по окраске крымских цветов (детство его прошло в Симферополе) пыльца всегда светлая.

Загадку окраски бабочек он через много лет описал в своей книге «Миллион загадок», изданной в Новосибирске.

Оказывается, крыло бабочки покрыто, словно крыша черепицей, мельчайшими чешуйками различной формы и разных бабочек. На просвет чешуйки полупрозрачны, совсем скромного вида и цветными делаются тогда, когда освещены сверху или сбоку. Вспомните, точно так же прозрачный мыльный пузырь кажется нам цветным. Физики называют это явление интерференцией и дифракцией света, оно сейчас известно каждому шестикласснику. Вот и выходит, что цвет бабочек—чисто оптическое чудо.

В счастливые дни, когда природа будто специально для него приподнимала занавес, поверяя свои сокровенные тайны, Гребенников чувствовал себя богачом, обладающим несметными сокровищами.

За работой он не замечал времени. Впрочем, свои бдения за микроскопом, долгие дежурства у земляных норок насекомых или у муравейников он как-то стеснялся называть работой. Другие же и вовсе посмеивались над ним и над его чудачествами. Однако чудачества эти были самой настоящей работой, подчас тяжелой и утомительной. Кроме того, он взялся читать цикл лекций по истории искусства в университете культуры, участвовал в выставках художников-любителей, выступал на Омском телевидении с рассказами о мире насекомых, организовал тот самый детский кружок, который спустя некоторое время перерос в школу...

Однажды, неожиданно прежде всего для него самого, Гребенникову прислали на иллюстрирование рукописи книги П. Мариковского «Маленькие труженики леса»—о муравьях. Каким образом узнал о нем профессор Мариковский, Виктор Степанович мог только гадать, но за работу взялся с великим энтузиазмом. Для начала он поселил в своей квартире... несколько муравьиных семей.

Потом Виктор Степанович попросил проиллюстрировать свою книгу известный московский писатель И. Халифман. Книга рассказывала о шмелях. Разумеется, тут же в квартире Гребен-

никова появились различные приспособления для домашнего содержания шмелей.

— Я рисую только с натуры,—объяснил Гребенников,—в некотором роде я раб натуры. набросок надо успеть сделать в течение нескольких секунд, ибо мои натурщики нетерпеливы, непосредственны и совершенно лишены честолюбия, которое могло бы удержать их на месте...

Пристальные наблюдения породили в нем глубокий научный интерес, заботу о сохранении шмелиного населения, которое быстро сокращается. Человек, распахивая целину, вырубая леса, выкашивая луговые травы, уничтожая гербицидами сорняки, попутно, может быть, не желая того, вытесняет насекомых... Но в природе все взаимосвязано: исчезают шмели—и тут же падает урожайность трав.

Шмель—насекомое своеобразное. Так же, как и пчела, он питается медом, но в отличие от нее часто собирает нектар с цветов, от которых пчела отказывается. Объясняется это просто. Хоботок шмеля гораздо длиннее, и «бомбус» способен достигать им «дна» самого сложноустроенного цветка, такого, например, как люцерна. (Вот почему в ее опылении, как и красного клевера, главная фигура—шмель.) Как и пчелы, шмели живут семьями, но гнезда устраивают в подземных норах. Причем селятся в отличие от своих крылатых собратьев там, где остались какие-то, пусть даже очень давние и слабые следы деятельности человека. В гнезде живут несколько самок (в улье домашних пчел, как известно, живет только одна «царица») и множество более мелких рабочих шмелей.

Виктор Степанович поставил перед собой дерзкую задачу, решить которую пока не сумел ни один ученый в мире,—попытаться приручить шмелей, одомашнить их, подобно пчелам.

...Его квартира превратилась в настоящую пасеку. Он просыпался, едва начинало светать, от мощного гула шмелей, зависших над самым лицом. Мохнатые вертолеты явно что-то искали. Но что? Неужели место для гнезда? Вот радость, наконец-то дождался. Нет, в глазу гнездо не устроилось, мой милый, лети дальше. Понял? Умница. Лети к домикам, видишь, черные дырки...

— Они вас не кусают?—с недоверием спросил я.

— Нет, что вы. Это умные,мышленные, хорошие ребята. У них очень добродушный характер. Шмель может укусить, только защищаясь, но это справедливый укус. Не правда ли?

О шмелях Виктор Степанович говорит так, как говорят о друзьях. Рассказывать о них он может часами.

— Ранней весной, когда оплодотворенные самки выбирают себе квартиры, низко летают над землей, ищут норки, надо осторожно накрыть шмелиху коробочкой, в которой приготовлена кормушка с медом. Дома я ее выпускал. Шмелиха, конечно, некоторое время поберется о стекло, пока не сообразит, что преграду не одолеть. Смирившись с обстоятельствами, она начинает летать по комнатам в поисках иного выхода. Но выхода нет, зато на столе стоит блюдечко с медом, кругом венчики цветов. Стоит ли волноваться? Через некоторое время она уже меня узнает и в обеденный час летит ко мне через все комнаты, через все двери. Ну чем не комнатная собачонка, только с крыльями! Наконец наступает время яйцекладки, и шмелиха уже в комнате, а не на свободе ищет место для гнезда. Она обследует все темные пятна: выключатели на стене, пуговицу, мой глаз... Тут не стоит суетиться и размахивать руками. Шмелиха неминуемо наткнется на приготовленный ящик с отверстием. Тогда она немедленно начинает носить туда пыльцу для корма, затем делает восковую площадку и откладывает на нее яйца, опять-таки окутывая их воском, и ставит изящнейший восковой сосудик—горшок с медом. Но вот появляются первые

личинки, затем вторые. Потом шмелиха нянчит куколок, из которых, наконец, появляются рабочие шмели—небольшие, размером с муху. Их первое время пять-шесть, таких крохотулечек—ее помощников. Теперь уже можно либо выставить гнездо на балкон, либо устроить шмелепровод—длинную трубку из гнезда в окно. Шмели летят в поле, а к вечеру возвращаются домой. Потомство растет, к августу достигает расцвета. Рабочие шмели начинают отмирать, остальные разлетаются по брачным дорогам. К октябрю гнездо окончательно пустует. Самки начинают искать место для зимовки. Круг замыкается...

В заповеднике, первом в стране шмелином заказнике, который Гребенников организовал под Исилькулем, он закупал шмелиные домики в землю, оставляя снаружи только отверстие шмелепровода. Шмели безошибочно находили рукотворные «норки» и с удовольствием заселяли их. Заповедная жизнь шмелиного народа процветала. Но неожиданно у добродушных шмелей появились беспощадные враги. Это были не кто иные, как наши друзья—муравьи. Они проникали в шмелиные гнезда и...

Горестная картина открылась Виктору Степановичу, когда он обследовал одно из таких гнезд, вкопанных по соседству с муравейником. Он понял, что шмели и муравьи соседями быть не могут. Тогда Гребенников решил пойти на неслыханный эксперимент. Он выкопал несколько домиков из земли и укрепил их на одном столбе, а чтобы защитить шмелей от муравьев, окружил основание столба водой. Невиданный небоскреб он назвал гроздевым много-семейным шмелевиком. Вскоре он заметил, что шмелиный народ чувствовал себя там даже лучше, чем внизу. Это было любопытным открытием. Но Гребенников не успокоился на этом. Он уже подготовил еще более оригинальный проект бомбидария (бомбус—шмель)—специального павильона для раннего гнездования шмелей. В таком домике площадью в 20 квадратных метров, по его замыслу, должны были готовиться к лету семьи опылителей. К сожалению, этот проект не претворен в жизнь до сих пор. Сначала у Виктора Степановича попросту не было денег (зарплаты уже не хватало), потом его подкосила болезнь. Сказалось огромное напряжение последних лет...

Весть об экспериментах Гребенникова заинтересовала ученых. Член-корреспондент ВАСХНИЛ, председатель секции пчеловодства А. Мельниченко признал результаты опытов самыми успешными в мире и просил его продолжать их. Канадец Гордон Хоббс, крупный авторитет в области искусственного разведения шмелей и одиозных пчел, писал Гребенникову: «Если кому-то и удастся решить проблему доместикации (одомашнивания) шмеля для опыления красного клевера, то только вам». А он лежал в больнице и с грустью думал о том, что созданный им заповедник до сих пор официально не утвержден...

Описывать жизнь Виктора Степановича после выхода из больницы—значит цитировать бесконечное множество документов, писем, газетных статей, подписанных председателем Сибирского отделения ВАСХНИЛ, заместителем министра сельского хозяйства СССР, видными учеными, известными журналистами... Чтобы понять суть дебатов, достаточно прочитать один из этих документов—письмо профессора Воронежского государственного университета С. Богоявленского.

«Гребенников известен мне как исследователь дикой опылительной энтомофауны,—пишет профессор.—В жизненной судьбе его отмечается изъяснение: он не получил высшего образования... Скажу лишь, что каждое колесо его жизни складывалось так: приглашают на научную работу, используют как художника, а то и вовсе превращают в

рисовальщика. Рисовальщики всегда нужны, а науку бездипломнику доверять не полагается. Диплом, конечно, нужен; но всеми качествами дипломированного специалиста Гребенников, на мой взгляд, обладает... А ведь достаточно вспомнить, что и Мичурин, Фабр, Эдмон, Горький были самоучками. Бывает такое в жизни. И вот тут мы видим, на что способен человек, а науку доверить ему нельзя? Как же так?»

В поисках ответа на этот вопрос, в поисках научного учреждения, где бы он смог в полную меру заняться любимым делом, Гребенников меняет места жительства: Исилькуль, Воронеж, снова Исилькуль, Новосибирск... Кем только не работал он в своей жизни!

В Новосибирске ему предложили заведовать энтомологическим музеем института химизации. Музей представлял собой совершенно пустую комнату, в которой и обосновался Гребенников. Он принес туда некоторые из своих коллекций, поставил микроскоп и продолжил работу... со шмелями, разумеется, во внеурочное время. Удивительно, как у него не опустились руки. Он приступил к организации очередного—уже третьего—шмелиного заповедника и создал его недалеко от Новосибирска. По просьбе ученых Академгородка он читает им лекции по энтомологии, в Доме ученых открывается выставка его работ, за которые впоследствии он будет награжден памятной медалью и дипломом международного конгресса по защите растений.

...Мы сидели в его квартире. Из широкого окна виднелась дальняя березовая роща, в которой находился заповедник. Где-то там, закопавшись в дерн, спали теперь шмели.

— Значит, сейчас существуют три шмелиных заповедника?—спросил я.

— Нет, уже пять. Один студент, бывший у меня на практике, организовал с товарищами заказник на Байкале. Другой заповедник возник в Академгородке по инициативе школьников. Он совсем небольшой, но как будет прекрасно, если кому-то из детей из заронит в душу искру интереса к живой природе. Недавно в передаче по радио я услышал, как одного мальчика из большого города спросили: какую пользу приносит муравьи? И он ответил: этого никто не знает, муравьи приносят пользу внутри муравейника, а наружу вывозят только для того, чтобы собрать щепок... Я просто остолбенел от такого ответа. А ведь можно сделать так, чтобы встречи с природой были не случайными. Тут много от школы зависит. Нужно, чтобы именно здесь ребенок увидел своими глазами, как рождается кристалл, как из одной инфузории, плавающей в капле воды, образуются две, как выходит из тени планеты один из спутников Юпитера—явления, чудесные и сами по себе и тем, что они способны озарить весь дальнейший жизненный путь человека, указав ему его призвание. И если у кого-то загорелся такой чудесный огонек, пусть даже странный для других, не надо гасить его...

На стенах комнаты, где мы разговариваем, висят коллекции жуков и бабочек, плакаты в защиту растений, присланные Педро Салинасом, энтомологом из Венесуэлы. Подоконник уставлен цветами. В углу встачок с тисками, на нем банки с кистями и таз с живыми жуками. Тут же мольберт с начатым рисунком пчелы. На столах три разнокалиберных микроскопа, рукописи статьи, коробок с насекомыми, укутанными в вату, макет шмелиного микроразоведника...

Я подошел к микроскопу и прильнул к окуляру. Взору открылся неведомый мне, невероятный мир. Серенькие, едва заметные глазу мушки превратились вдруг в сверкающих неземными красками красавиц.

— Это же сказка!—не удержался я от восклицания. Я смотрел, не мог насмотреться и вдруг почувствовал острую зависть к Гребенникову, человеку, сумевшему проникнуть в страну загадок...

«СТОЛКНОВЕНИЕ»

ОБЗОР ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПИСЕМ

Многие читатели откликнулись на очерк бульдозериста Вячеслава Яковлева, опубликованный в № 10 «Смены». Написанный на документальной основе, очерк рассказывал о том, как молодой рабочий Сергей Топорков, оберегая народное добро, не подчинился приказу прораба Алексеича и в гневе едва не наделал беды, исчерпав в споре все словесные аргументы.

Что подвергалось автором очерка острой и неприемлимой критике? Бесхозяйственность, делячество. Что защищалось? Честность.

«Хорошо сделал тов. Яковлев, что вынес этот вопрос на широкое обсуждение», — пишет в редакцию Анна Чернина из г. Харькова. — «Это заставит многих задуматься, что значит беречь государственную копейку».

Педагог из г. Кисловодска Г. В. Батычко утверждает:

«Указание засыпать траншею, в которой находились железобетонные плиты, разномерные концы металлических труб, изоляционные материалы, считаются преступным. Кто дал право Алексеичу и другим руководителям, упомянутым в очерке, так поступать? Легче всего — засыпать, и дело с концом. А как же совесть?»

Читательница поддерживает Н. Е. Шустов из г. Ревды Свердловской области:

«Я на стороне правды. А правда за Сергеем Топорковым. Алексеич и ему подобные нарушили Конституцию и должны за это отвечать».

Мысль этих авторов писем развивает плотник-бетонщик из г. Невинномысска С. Попп:

«Прав Топорков, который ценит человеческий труд и делает это не в целях личной выгоды. Он, видно, хорошо усвоил истину, что строитель на стройке не гость, а хозяин и должен беречь каждый гвоздь. Мое мнение как строителя, что прорабу Алексеичу не место на такой должности».

Вот прямой вывод, который содержится буквально в каждом письме, полученном редакцией. Прямой, но не единственный.

Исследуя проблему, поставленную в очерке «Столкновение», читатели пишут о том, что еще бытует не раз осужденное правило «План — любой ценой», и в этом видят корень зла.

Тов. Усеев из г. Ташкента пишет:

«Некоторые руководители, не умея наладить работу, хотя при сдаче объекта уложиться в срок, чего бы это ни стоило, чтобы получить премию, прогрессию и т. д. И потому в траншею идет все: кирпич, раствор, стекло, плиты. Разве можно считать такое явление нормальным?»

Разговор о бесхозяйственности в письмах читателей не ограничивается только стройкой. Читательница Р. Е. Колесниченко из Латвии прислала вместе с письмом вырезку из республиканской газеты «Советская молодежь», в которой рассказывается о некачественной выпечке хлеба на Елгавском хлебокомбинате, о случаях возврата на предприятие бракованной продукции. «Какое бесстыдство — так работать!» — восклицает тов. Колесниченко. Нетерпимость к разбазариванию общественных ценностей в любых проявлениях содержится в письмах тт. А. П. Калинина из Фрянова Московской области, А. В. Вешурцева из Нижнего Уфалея Челябинской области, А. А. Суворова из Горького, Е. И. Довгели из Новороссийска.

Однако в редакционной почте нашлся и отклик иного рода. Вот что пишет Малика М. из Чечено-Ингушской АССР:

«Топорков, хотя вы поступили правильно, честно, но делайте так, как приказывает прораб — тогда для вас же будет лучше».

Опасное утверждение. Оно показывает: зло, которое несут в себе действия личностей, подобных Алексеичу, не только в том, что гибнут материальные ценности и государству наносится экономический

ущерб, — эти действия подрывают веру людей в принципы нашей морали и этики. С автором только что приведенного письма как бы полемизирует большинство читателей.

«Молодец Сергей, настоящий человек — по Горькому», — утверждает тов. Зинтерис из Курганской области.

«Рабочий Топорков — вот кто хозяин», — говорится в письме учащегося строительного училища из Челябинска Олега Муштакова. — «Я уверен, что Топорковых много, гораздо больше, чем Алексеичей».

«Я верю», — пишет Николай Поликарпов из г. Нелидова Калининской области, — «что найдется множество честных людей, таких же, как Топорков. У меня в жизни был чем-то похожий случай. Поехал я на одну большую стройку — по велению души. И получилось так: один инженер в ответ на критику обвинил меня в том, что я плохо работаю. Что было делать? Я решил бороться за свое достоинство. Пошел к бригадирам (сначала я работал в одной бригаде, потом перевели в другую) и взял у них характеристики на себя. Характеристики были положительные. Затем заверил их в отделе кадров и предстал уже в качестве обвинителя, а не обвиняемого».

В этих строках — интересная мысль. Ведь будь Николай плохим работником, нерадивым, его позиция была бы уязвима. Но, будучи честным тружеником, он сумел отстоять свое доброе имя в острой, конфликтной ситуации. Именно об этом — о собственной социальной и профессиональной ценности, — о том, что прежде всего она дает оружие в борьбе с недостатками, пишут читатели, приславшие отклики на «Столкновение».

Много верных и продуманных мыслей содержится в письме кандидата технических наук из г. Симферополя С. Горнева. Он подробно и с симпатией комментирует поступок Топоркова и порицает Алексеича. Однако его попытка объяснить природу действий последнего требует, в свою очередь, комментария. Он пишет:

«Затраты труда на спасение неиспользованных материалов (если их немного и они разрознены по разным точкам) превышают их стоимость. Такого

явления не бывает только при подрядном наряде с хорошо поставленным хозрасчетом».

На первый взгляд как будто верно. Но хочется спросить тов. Горнева: зачем же доводить дело с неиспользованными материалами до «спасения»? И при чем здесь хозрасчет? Ведь речь идет об элементарном умении хозяйствовать, о способности вести работу на обычном профессиональном уровне, наконец, об азбучном служебном долге. Ведь хозрасчет, бригадный подряд вырастают не на пустом месте, они требуют и производственной и, если хотите, гражданской зрелости. И вообще можно ли пытаться объяснить расточительность и головоустройство только с позиций организационно-технологических, оставляя в стороне нравственные категории? О каком моральном климате в рабочем коллективе можно говорить, если разрушается уважение людей к собственному труду и труду других и этим самым — друг к другу, а ведь именно таковы «плоды деятельности» Алексеича!

И как раз Сергей Топорков, радеющий за этот простой порядок на своем рабочем месте (и на каждом!), стремящийся преодолеть халтуру, безответственность и наплевизм во имя «галочки», — он-то, может быть, и делает первый шаг к хозрасчету и подряду.

Об этом, по существу, писал в прошлом году («Смена» № 9) в статье «Рабочие аттестаты» основоположник бригадного подряда в стране, знаменитый бригадир Николай Злобин:

«...если говорить о секретах, то они есть, даже не секреты, а один-единственный принцип, следуя которому мы и добиваемся успехов. Принцип этот — отношения, которые сложились в бригаде, отношении настоящего рабочего товарищества, дружбы, взаимопонимания. Словом, секрет в единстве коллектива. Представим себе звено из шести человек. Трое трудятся с огоньком, что называется, не покладая рук, а двое особым желанием не горят. Так вот, можно заранее сказать, что успехов тут ждать не следует и о бригадном подряде лучше не думать. Потому что это показатель сложившихся отношений... Бригадный подряд приводит к успеху не сам по себе, не механически. Он не причина, а результат. Результат нашего долгого совместного труда, который привел к взаимному пониманию и взаимному доверию».

Но вернемся к «Столкновению». Как уже сказано, читатели горячо одобрили действия молодого рабочего Сергея Топоркова. И все-таки эти действия не до конца удовлетворили авторов ряда писем.

Вот что пишет тов. К. Кендирбаев из г. Фрунзе: «На месте Топоркова я сам бы пошел за краном и убрал бы все трубы и плиты... И не надо было так злиться».

А вот выдержка из письма тракториста Мурбайской геофизической партии тов. В. Шутеева (Якутская АССР):

«Надо было Топоркову самому собрать отрезки труб в пачку, связать тросом и вытащить их из траншеи бульдозером. Ведь при бульдозере обязательно должен быть трос... Почти таким же способом — и плиту. Ведь нельзя только искать виноватого и ждать, чтобы сделал кто-то, когда можно сделать самому».

Эти высказывания дополняются соображениями тт. Л. Лужаевой из Белгородской области, А. Ворошилова из г. Краснокамска, Н. Балина из Саратовской области о том, что Сергей после отказа выполнить приказ прораба не должен был горячиться, а мог бы прибегнуть к помощи общественных организаций и контролирующим органам.

Такова редакционная почта. Деловая. Проникновенная. Неравнодушная.

Мы благодарим читателей за отклики.

Борис ФАИН,
редактор отдела рабочей молодежи.

СТОЛКНОВЕНИЕ

Р

ВСТРЕЧА

Он впервые в Советском Союзе. «Из Копенгагена до вашей столицы мы летели два часа. И столько же времени занял перелет из Москвы в Сочи!» — восклицает Бьярне Хансен, пораженный масштабами нашей страны. Член коммунистической партии, режиссер на радио, композитор, он приехал из Дании на Международный молодежный фестиваль песни «Красная гвоздика».

Хансен подчеркивает, что его особенно привлекло то, что этот, пятый фестиваль посвящен 60-летию Октября.

Бьярне было семнадцать лет, когда он впервые познакомился с трудами Маркса и Ленина. «Мой отец работал в хлебопекарне по двадцать часов в сутки, — вспоминает певец, — и этого было

ПЕВИЦА ИЗ МОНГОЛИИ ОЮНЧИМЕГ.

ЕЙ БЫЛ ВРУЧЕН ПРИЗ «СМЕНЫ»
«В ДОБРЫЙ ПУТЬ».

ОБЛАДАТЕЛЬ БОЛЬШОГО ПРИЗА ЭНРИКЕ ДИОППИС (АРГЕНТИНА).

вполне достаточно, чтобы я понял: в мире существует неравенство. И я захотел узнать, можно ли его уничтожить». Бьярне пишет и исполняет политические, социальные песни; он сочиняет много песен для детей, считая, что человека, родившегося в капиталистическом мире, надо с детства учить борьбе за справедливость.

Он выходит на сцену Летнего театра с гитарой в руках... Один из многих певцов, композиторов, прибывших сюда из тридцати стран Европы, Азии, Африки, Латинской Америки.

Несхожи их судьбы, несхожи пути, которые привели их на эту сцену. Но есть одно, главное, что объединяет молодых исполнителей, что заставляет их идти к людям с песнями протеста и

“КРАСНАЯ ГВОЗДИКА” Р

Наталья АЛЕКСЕЕВА.
Фото Альберта ЛЕХМУСА.

ЗДЕСЬ, В ЛЕТНЕМ ТЕАТРЕ
ПРОХОДИЛИ КОНЦЕРТЫ
«КРАСНОЙ ГВОЗДИКИ».

ЛАХРЕВИ ФЕСТИВАЛИ
ВОЛГАРКА РОСИНА БОРДЖЕВА.

солидарности. Это любовь к человеку, живущему на планете Земля! Каждый выступающий здесь мечтает о лучшей жизни. Не для себя — для других. Мечтает о мире во всем мире...

РЕПЕТИЦИЯ

Народному артисту СССР дирижеру Юрию Силантьеву не приходится ждать певцов. Еще до появления оркестрантов на сцене участники заполняют первые ряды пустого зрительного зала. И все остаются до конца репетиции, внимательно слушая знакомые песни, обмениваясь впечатлениями, помогая друг другу советами...

Нешадно печет южное солнце. Но ни Аннаритта Минкинен, гостья из Финляндии, ни Клотэр Кимболло из Конго не замечают жары. «Клотэр, ты уже был лауреатом этого фестиваля. Почему приехал еще раз?» «О, Аннаритта, меня

получает аргентинец Энрике Лиоппис. Молодой певец, казалось, потерял дар речи от счастья. Все бросились его поздравлять. Первое, что он наконец смог сказать: «Это приз всему народу моей страны, всему латиноамериканскому континенту».

Тут же состоялся импровизированный концерт лауреатов. Вновь спел 24-летний Энрике «Темную ночь» Богословского, так поразившую слушателей именно в его исполнении — темпераментном, тревожном и печальном и в то же время пронизанном верой в завтрашний день... Наша певица Жанна Рождественская, выпускница Саратовского музыкального училища, впервые участвует в международном фестивале. Она получила первую премию. Обладательница сильного, выразительного голоса, она запомнилась нам песней «Монолог Звезды» из драмы П. Неруды...

АСЦВЕТАЕТ В СОЧИ

здесь все об этом спрашивают, особенно журналисты! Ответ прост: мне очень тут понравилось. Мне и не нужно новых призов, — он улыбается, — главный приз — дружба! Последнее слово Клотэр явно с удовольствием произносит по-русски.

Небольшой перерыв. Одернув взмокшую рубашку и повернувшись наконец лицом к артистам, Силантьев с тем же энтузиазмом, что и в работе за дирижерским пультом, принимается «строчить» своей кинокамерой. «На память», — поясняет он.

УЧАСТНИК

Вольф Браннаски (ФРГ): «Задача нашей коммунистической молодежи — борьба с антикоммунизмом. Как художник, композитор и руководитель «Мюнхенской песенной группы», я стараюсь внести свой вклад в эту борьбу».

КОНЦЕРТ

В восьмом ряду сидит жюри под председательством Александры Пахмутовой... Все — и члены жюри и зрители — ждут от исполнителей рассказа о проблемах, волнующих всех нас. И участникам сочинского фестиваля есть что рассказать...

Юлия Циру из Греции поет о подвиге и гибели молодого героя, венесуэлец Али Примейра призывает людей разорвать «лассо империализма», Адриан Иванович (Румыния) — сказать «нет» войне...

Интересная деталь: собственно политическую песню певец должен исполнять только один раз — в день песен борьбы и солидарности. В дни советской песни и песни своей страны участникам предоставляется свобода выбора.

Они сделали свой выбор: мы не услышали на этот раз в Сочи ни одного развлекательного «шлягера».

ЧЛЕН ЖЮРИ

Серхио Ортега, автор гимна «Венсеремос» (Чили): «Песня — это в первую очередь участница борьбы за построение прекрасного будущего».

ЛАУРЕАТЫ

Поздно ночью в интерклубе, где гости фестиваля собирались после каждого концерта, объявили, что Большой приз

Решение жюри, присудившее премии болгарке Росице Борджиевой и венгру Томашу Берки, Тумурбатору из Монголии и Вольфу Браннаски из ФРГ, было встречено всеобщим одобрением — и зрителей и прессы. Члены жюри сумели учесть при распределении мест сложную специфику развития и пропаганды политической, гражданской песни в той или иной стране, а также то, что в силу этой специфики в конкурсе участвовали как профессиональные, так и самодеятельные исполнители...

ДИСКУССИЯ

Жозе Барата-Моура (Португалия): «Прогрессивная песня, песня протеста должна отражать действительное положение в стране, активно вмешиваться в жизнь».

Олаф Клесс (ФРГ): «В нашей стране — да и в некоторых других тоже — политическая песня может развиваться только на базе самостоятельности. И мы не можем оценивать ее на основе лишь чисто профессиональных критериев. Для нас важнее четко выраженная партийная позиция. Думаю, что и форма должна соответствовать содержанию: я за строгость и скромность в исполнении политической песни. А для сопровождения, на мой взгляд, больше подходит гитара, нежели оркестр».

Майкл Глик (США): «Для меня политическая песня — это способ общения с массами, обращения к совести людей. Считаю, что политическая песня может существовать во всех жанрах, в любых формах. Только тогда у нас, в США, она сможет как-то противостоять развлекательной поп-музыке...»

Этот небольшой отрывок из дискуссии членов жюри дает представление об основных внутрифестивальных проблемах, возникших при распределении премий. Кстати, некоторые исполнители довольно остро поставили вопрос о том, нужны ли вообще призы и премии на фестивале политической песни. По их мнению, подобные фестивали — это просто встречи единомышленников, праздник дружбы и солидарности.

Что ж, быть может, организаторам фестиваля в Сочи имеет смысл подумать об этом в будущем. А в том, что у «Красной гвоздики», начавшей свое существование десять лет назад, есть будущее, сомневаться не приходится.

ЗАМОРОЖЕННЫЕ НАДЕЖДЫ

Начало на 18-й стр.

7

Прошло семнадцать лет. Число «ожидающих» в клинике выросло, но ни один из них еще не вернулся в мир. Волею испытателей мозг Патрика Мерди был подключен к пультам в кабинете шефа и через этот пульт связан с банком и домом. Шеф мог включать и выключать его. Система МШБ, во многом усовершенствованная, работала отлично.

Магнитофонная лента, на которую записывали эти связи, могла уже трижды охватить Землю. Шеф постарел, а душеприказчик умер. Сын юриста унаследовал дело отца, но не его гибкость и хитрость. В отличие от Хаули-старшего он был на страже интересов пациентов. И дело Патрика стало главным источником разногласий между шефом и молодым адвокатом.

— Что вам известно о связях мозга с телом? — горячился молодой адвокат. — Я убежден, что раздражение нервов может повлиять на рост опухоли. Давайте включим ленту, где записан разговор в доме Патрика, который он по вашей воле слышал. Где хранится лента 2238-Я?

— В шкафу на восемнадцатой полке. Но это ничего вам не даст. В ответ на эту запись я поставлю ленту с записью мыслей Патрика.

— Я знал, что они у вас есть. Отец мне говорил об этом. Но записывать мысли пациентов — этого, согласитесь, не было в договоре, вы ведете нечестную игру, шеф! Как мы можем при этих условиях сотрудничать?

— Всею свое время. Включайте систему воспроизведения.

8

Послышался музыкальный звонок и голос Айлин: «Не беспокойся, Джо, я открою, это, наверное, Дези...»

Пауза и голоса:

— ...А, Джеймс, как я рада вашему приходу! Мы с Джо хотели с вами поговорить. Проходите в гостиную и садитесь к камину. Какая сырость на улице! Джо, это Джеймс. Сколько мы с тобой знакомы, старина?

— Да лет тридцать...

— Ну так это дает мне право быть с тобой предельно откровенным.

Шеф прокрутил ленту дальше:

— Так вот, Айлин и Джо, должен вам сообщить, что препарат, который полностью излечивает рак легкого в первых трех стадиях и в отдельных случаях в четвертой стадии, синтезирован. В сочетании с лучевой терапией он испытан в клинике.

— А когда можно будет уверенно сказать, что в случае с отцом он может оказаться эффективным?

— Фактически уже сейчас. Для гарантии можно подождать еще один-два года.

— Это маловато, — послышался голос Джо. — Дело в том, что мы с Айлин не уверены, что старику с его старыми взглядами надо поспешить возвратиться в наш новый мир. Короче говоря, мы не заинтересованы, чтобы Патрик вернулся.

— Сейчас или вообще?

— Ну, по крайней мере на протяжении нашей жизни.

— А какие соображения руководят вами?

— Ну, как тебе сказать? Для него сегодня, вчера или послезавтра не имеет никакого значения. А для нас это значит изменить образ жизни и начать жить по-новому или, вернее, по-старому.

— Я уверена, что папочка разрушит все наши планы и не поймет, почему мы вложили деньги в наше новое предприятие. А затем он может дурно повлиять на внука. Да, мы хотим, чтобы он выздоровел, но ведь через тридцать лет гарантия будет еще больше?

Ленту остановили... Собеседники какое-то время молча глядели друг на друга. Наконец, адвокат сказал:

— И это «святое» откровение вы даете возможность слушать Патрику?! Уж не договорились ли вы с родней?..

9

Но в это время мозг Патрика был от системы отключен. В такие минуты Патрик научился чередовать сон и раздумья.

Сейчас он думал о Джо. О том, как тот преобразился до неузнаваемости. Биржа заменила ему лабораторию. Он забыл о своих научных планах и превратился в финансиста. Деньги победили науку. Его управляющий Сантос был предан Джо, и все заветы Патрика были забыты, даже те, которые были записаны перед его уходом и над которыми Сантос клялся на Библии.

Теперь о загадочном методе лечения. Конечно же, это было главное, что его больше всего интересовало, и вместе с тем именно об этом, как нарочно, не вели никаких разговоров ни дома, ни в банке. Правда, Джо как-то бросил странную фразу, которая долго беспокоила Патрика. Он говорил с кем-то по телефону, когда сказал: «Ну что же, спасибо за информацию... А вы, Билл, уверены, что этот метод мог бы гарантировать Патрику полное излечение?» Он не слышал, что говорили на другом конце провода, а затем Джо сказал слова, которые потрясли Патрика:

— Ну что же, Билл, это веские доказательства. Но не будем спешить. Я думаю, есть смысл подождать еще лет десять...

Значит, Джо заведомо тормозил его возвращение!

Если действительно рак уже побежден, но размораживать Патрика они не спешат, если все это действительно так, то, может быть, не стоит возвращаться в тот мир, чтобы быть там лишним?

Так постепенно созрело окончательное решение, о котором надо было сообщить шефу. И он сообщил:

— Дорогой шеф, я, Патрик Мерди-24, прошу принять информацию. Это очень важно! Кто бы вам ни предлагал вернуть меня к активной жизни, знайте: я сейчас этого не хочу! Я сам дам распоряжение, когда мне нужно будет вернуться. Ждите моего сигнала!

Он все еще на что-то надеялся...

затем категорически отклоняли мольбы, просьбы, требования, ничуть не внемля призывам и увещаниям, приведя, впрочем, будем объективны, некоторые — в оправдание своей такой непреклонной неуступчивости — причины.

Тимоша почувствовал: «Все, конец! Я потерпел полное поражение!» И лишь машинально поглаживал лежащее перед ним на столе райкомовское письмо, полученное утром, словно желая почерпнуть через прикосновение к бумаге с печатью новые силы. Но было это, он и сам догадывался, бесполезно. Сил не прибавлялось... Его жалкая коса неудавшегося оратора нашла на твердый камешек... Искры были, а огня он не высек... Эх, правду говорят: без спотычки и коня не пробежит!

Жалко, прямо сказать, было видеть в пух и прах разбитого Тимошу. Благо еще, что никто, кроме присутствовавших да нас с вами, не лицезрел его в таком подавленном состоянии. К счастью, в протоколы не принято, как известно, вписывать строчки, воссоздающие внешний вид комсоргов, опустившихся до конфуза и посрамления.

Но есть, есть все-таки счастье в жизни! И оно пришло... Это неспешно поднялась, опережая, однако, всех остальных председателей, бабушка Акулина. Добродушно побряхтывая, спокойно и вразумительно помянув что-то о прошлом и сказав что-то про будущее, бабушка Акулина вконец усоветила девушек, притом так, что они, ничуть не стовариваясь, сказали в голос дружно то, чего так долго не мог добиться от них Тимоша.

Тимоша ощутил в своей ликующей душе не только покой и счастье свершенного, но — он помнил о необходимости надлежаще оформленного протокола — и решенного.

— Ах, бабушка Акулина, спасибо ж тебе, дорогая ты моя бабушка Акулина, сердечное! — совсем не по-кабинетному произнес он. И все хорошо поняли его радостные чувства.

Рисунок Сергея ТЮНИНА

6. НЕ СТАЛО БОЛЬШЕ ПО ВЕЧЕРАМ ЧАСТУШЕК, НО ЭТО ВОВСЕ НЕ КОНЕЦ ИСТОРИИ

Весть о прошедшем заседании комитета комсомола разнеслась по деревне с быстротой молнии. Уже к полудню даже на отдаленных фермах узнали о счастливом для Тимоши решении. И отметим, что все здесь — и стар и, как говорится, млад — дружно, единодушно и без особенных споров одобрили заключенное соглашение, похвалили настойчивость Тимоши, мудрость бабушки Акулины и проявленную девушками готовность пойти на мировую.

Да, удовлетворение было всеобщим. Нашлись, правда, малюверы. Но где их нет? Они — ох, уж эти всезнающие и обо всем заранее догадывающиеся скептики! — мрачно предрекали неминуемое поражение Тимоши. Их брюзжащие речи выглядели примерно так:

— Как знать, как знать, чем все это кончится... Бумага, она такая, все стерпит, а вот девчатки-пеvуны, они на все при случае горазды. Глядь, и сорвутся... Молодые, им-то что? Ох, что-то будет...

По всему, однако, выходило, что девушки слово свое держат. Дней десять — ни одной частушки и ни одной частушечницы по вечерам. Правда, вроде бы кто-то видел, как после работы, умывшись и приодевшись, девушки тайком сходились к хате бабушки Акулины. Но только зачем, почему? На эти вопросы никто не мог дать вразумительного ответа.

Тихо стало, если, конечно, не считать музыки, отлетавшей от парней с транзисторами через плечо. Только скучно оказалось на улицах с транзисторной музыкой. Это теперь все поняли. Хороший урок — он всегда впрок!

Так вот и шло...

7. НАКАНУНЕ...

...Шло, но остановилось.

В одну из суббот, ввечеру, у хаты бабушки Акулины — вот тебе, бабушка, субботний день! — рассыпалось, рассыпалось скороговорочкою, да кто кого

громче, да кто кого позабористей, поядренее, да с разгулом и с потехою, да с тарами, барами и растабарами, да с притчами и с намеками, но с именами — и в масть и в лад и опять же про Тимошкин самокат, — да на разные голоса, да с почечиванием — чек, чек, дробно, дробно — каблучками и с балалаечным — звонко, звонко — треньканьем, и — надо же так! — в открытую... они — частушечки!

Только недождо. Не успели люди хорошенько вслушаться, а кто помоложе и поскорее на ногу — подтянутся к хате бабушки Акулины, смолкли частушки. Как отрезало. Не многие разглядели подошедшие...

Уходили девушки по домам. Со смущенными лицами и упрятавши под платки балалайки. У ворот, не слезая по обыкновению с велосипеда, только опершись о столбик, восседал Тимоша, провожая частушечниц полным значительности, сосредоточенным взглядом. Еще запомнилось, что он крикнул им вдогонку, ну совсем как колхозный председатель, — негромко, не на публику, хотя властно и отрывисто:

— Так до утра! И попрошу — без опоздания! Иначе примем меры! Еды только на дорогу, а там вас начнут кормить на казенный счет...

8. В РАЙЦЕНТР — В СОПРОВОЖДЕНИИ УЧАТКОВОГО

Утро — солнечное, ласковое, приветливое, воскресное — высветлило на площади у правления колхоза живописную картину. Вокруг автобуса и тихо урчащего на малых оборотах милицейского мотоцикла с коляской стояли стайкой девушки, их окружали взволнованные папы и мамы, а немного сбоку, как это и полагается начальству, — три председателя и Тимоша.

Девушки напряженно улыбались, скрывая страх перед грядущим. Уж теперь-то всем видно было: они понимали хорошо, что во всем для них предстоящем виноваты они сами, а не только грозный Тимоша.

Родители подбадривали их как могли и попутно самих себя успокаивали. В толпе то и дело слышалось: «Авось обойдется. Будем надеяться на лучшее. Должны снисхождение проявить — ведь в первый раз они...»

Тимоша тоже выглядел взволнованным.

Председательские лики излучали отеческое (и материнское, не забудем про бабушку Акулину) сочувствие.

Невозмутимым был только участковый, впрочем, ему и полагается быть таковым при любых обстоятельствах. Он ведь и не такое выдывал.

Солнце тем временем подымалось все выше, а дорога предстояла дальняя. Участковый взглянул на часы — у него, не сомневайтесь, были самые точные в деревне часы — и кивнул: «Пора, мол, пора». Тимоша тоже взглянул на часы и, испросив разрешения у председателей, громко скомандовал:

— Прощание прекращается! По местам!

Автобус тронулся. Вперед, мощно рокоча и оглушительно постреливая, вырвался на своем сине-желтом мотоцикле участковый. Тимоша не видел особой необходимости в таком почетном эскорте. Между ним и участковым произошел даже, так сказать, обмен мнениями.

— Сам доставлю, сам справлюсь, — сказал Тимоша.

— Со мною понадежнее! Мало ли что в дороге, — вежливо, но непреклонно ответил участковый. — На мне, чай, двойная ответственность. Я тоже член комитета.

Они уже скрылись из виду, а около правления все помахивали, помахивали им вслед платочками. Счастливого, понятно, возвращения желали.

...Нет слов для того, чтобы описать, что творилось в деревне после отъезда девушек и Тимоши. Разговоры, разговоры, и везде только об одном:

— Как там, в районе, обойдутся с нашими? Не были бы излишне строги. Не перегнул бы Тимоша в выполнении своего решения. Горяч, горяч он...

Вечером опустели улицы. Все сидели по хатам и, прильнув к радиоприемникам, ждали последних районных известий.

И утром такая же история: районную газету у почтальона с руками отрывали. Мол, радио хорошо, а газета — лучше!

9. СТРОГОЕ, НО СПРАВЕДЛИВОЕ, ПО МНЕНИЮ ТИМОШИ, РЕШЕНИЕ

И долго еще обсуждали в деревне, как несправедливо обошлись в райцентре с их девушками, каким излишне суровым оказалось решение районного начальства. Но Тимоша с присущей ему принципиальностью напрочь отшел все подозрения в напрасных придирках и твердо заявил:

— Получили по заслугам! Для первого раза и этого достаточно. Скажите спасибо, что еще так с ними обошлись. Могло быть и хуже. Читайте газету — там все изложено по справедливости, — с достоинством заключил он.

В районной газете было напечатано следующее:

«...Неожиданностью стало появление девушек из деревни Тимофеевка перед судом представительной комиссии и собравшейся в районном Дворце культуры общественности райцентра.

Настороженность, недоумение тем не менее рассеялись необычно быстро. Уже через несколько минут их окружила теплая атмосфера доброжелательности. Аплодисментам не было конца.

Созданный девушками комсомольско-молодежный ансамбль «Самокат» — что расшифровывается как «Самокритический ансамбль Тимофеевки», — возродил незаслуженно забытый в районе жанр частушки. В этом большая заслуга художественного руководителя ансамбля старшей колхозницы тов. А. П. Ивановой, а также комсорга тов. Т. Матонина, опиравшихся в своей работе на помощь председателей колхоза и сельсовета.

В беседе с нашим корреспондентом тов. Матонин, в частности, рассказал: «Решение создать «Самокат» принял комитет комсомола, но необходимо отметить, что инициатива шла от самих участниц. Они начали стихийно, не имея до поры до времени ясных целей, мы же направили их инициативу по полезному руслу и помогли организационно оформиться. Но, к сожалению, у нас было слишком мало времени на выполнение постановления райкома о повсеместном развертывании художественной самодеятельности. Дней десять, не больше. Могли признаться, что у нас прошла всего одна генеральная репетиция. Вот почему, — добавил тов. Матонин, — решение жюри районного смотря о присуждении ансамблю диплома третьей степени расценивается нами не более как аванс, который обязывает комитет комсомола к дальнейшему развитию и совершенствованию данного участка работы».

...Так закончилась наша несложная история, которая, как вы помните, началась с того, что комсорг Тимоша Матонин влюбился.

— Нас восемь человек осталось,—сказал Грыбас.
 — Типографии нет?
 — Птаха обещает помочь,—сказал Винценты.—У нее есть возможность достать станок.
 — Птаха? Елена Гуровская?
 — Да.
 — Слишком молода.
 — Другой возможности нет.
 — Что с кружками в Лодзи?
 — Провалены,—ответил Грыбас.
 — В Домброве?
 — Тоже.
 — Организовать газету пробовали?
 — Это утопия,—сказал Винценты.
 — Это утопия,—повторил Грыбас.—Я ведь наборщик, Юзеф, я знаю дело. Нет денег, нет станков, а главное—нет людей, которые бы нам писали.
 — Как же мне уезжать?! Как?! Я могу работать!
 — Антек Росол тоже мог работать...
 Дзержинский приблизился к Винценты, глаза сузились, потемнели.
 — «Мог»? Что ты имеешь в виду? Почему «мог»? Он...
 — Его забили в тюрьме...
 После долгой паузы Дзержинский спросил Винценты:
 — Ты можешь устроить мне свидание с сестрой?
 — Это почти невозможно.
 — Невозможно или почти невозможно?

Дзержинский поднялся с маленькой, свежооструганной скамейки, когда сквозь длинную, безбрежную шеренгу кладбищенских крестов увидел Альдону, Юлию и Винценты.

Альдона заметила брата, как только он поднялся со скамейки, бросилась к нему, обняла, прижала к себе.

...Месяц в рассветном небе таял быстро, и казался он радужным, растекшимся, и Альдона осторожно притронулась к глазам Феликса такими же, как у него, тонкими пальцами, и они опустились на скамейку возле могилы и помолчали, потому что, когда есть что-то сказать, слов сразу не сыщешь.

По-чувствовал, что Альдона сейчас снова заплачет, потому что слишком быстро, словно целуя, бегали глаза сестры по его лбу, по запавшим щекам, по ранней паутине морщинок в уголках сильного, красивого рта; Дзержинский обнял ее.

— Ну, ну,—попросил он,—не надо, пожалуйста, Альдонусь.

— Они ищут тебя... Они кухарку все время спрашивают, дворника...

— Ну и пусть себе ищут, пускай себе.

— Феликс, родной... Что же с тобой сделали, боже мой?! Тебе можно дать сорок лет, а ведь двадцать пять всего...

— Шесть...
 — Что?

Дзержинский сжал ее руки.
 — Сестры и братья всегда забывают возраст друг друга. Мне двадцать шесть, в августе...

— Феликс, не сердись на меня, милый! Подумай, пожалуйста, не о моих детях, не о наших братьях Игнасе и Владысе, о себе! Ты же самый маленький у меня, я маме обещала заботиться о тебе. Я обещала маме.—Альдона не смогла договорить, подбородок ее задрожал.

— Альдонусь, родная... Мама в нас бессмертна, она дала нам душу, в которую вложила любовь. Сердце мое разрывается от мысли, что я приношу тебе горе, потому что тебе кажется, будто я иду неверно. Но я верно иду, я ведь хочу отдать свою любовь униженным. Ты же веруешь, Альдонусь, и на проповедях говорят об этом, но там лишь говорят, а я делаю...

Альдона кивнула на могильный камень.

— Разве ты жив после его смерти, Феликс? Ведь он как брат тебе был... Разве я жива? Отчего ты унижаешь меня тем, что я ращу детей, слышу их щебет, а ты исходишь кровью в тюрьмах?

— Альдонусь, тучкам надо ночевать на груди утеса,—шепнул Дзержинский.—Тучкам-странникам нужна опора.

— Тучки, Феликс, кончаются весенним дождем, прошли—и нет их...

15

Подпольщики собрались в цеху кожевенной фабрики поздней ночью, рассаживались при свете маленьких ламп, обменивались быстрыми, тихими фразами, поглядывали на Дзержинского.

Когда Грыбас закрыл двери цеха, стало ясно: полный сбор.

— Товарищи,—тихо сказал Винценты,—заседание Варшавского комитета партии считаю открытым. Слово предоставляется Юзефу.

Дзержинский кашлянул, прикрыв рот рукою.

— Даже кашляю шепотом,—неожиданно громко, усмехнувшись презрительно, сказал он.—И не совестно нам говорить шепотом, товарищи?!

Грыбас полез за табаком.

— Перепугались люди после арестов, а страх—всегда тихий.

— Мы знаем, на что идем,—продолжал Дзержинский,—и если мы будем самих себя таить—нас никто не услышит. Мы должны говорить громко! И обязательно честно, иначе не поверят нам рабочие. И о том, что хорошо у нас, и о том, что плохо, об успехах, провалах, о будущем и прошлом мы обязаны говорить открыто и честно, ничего не скрывая, не

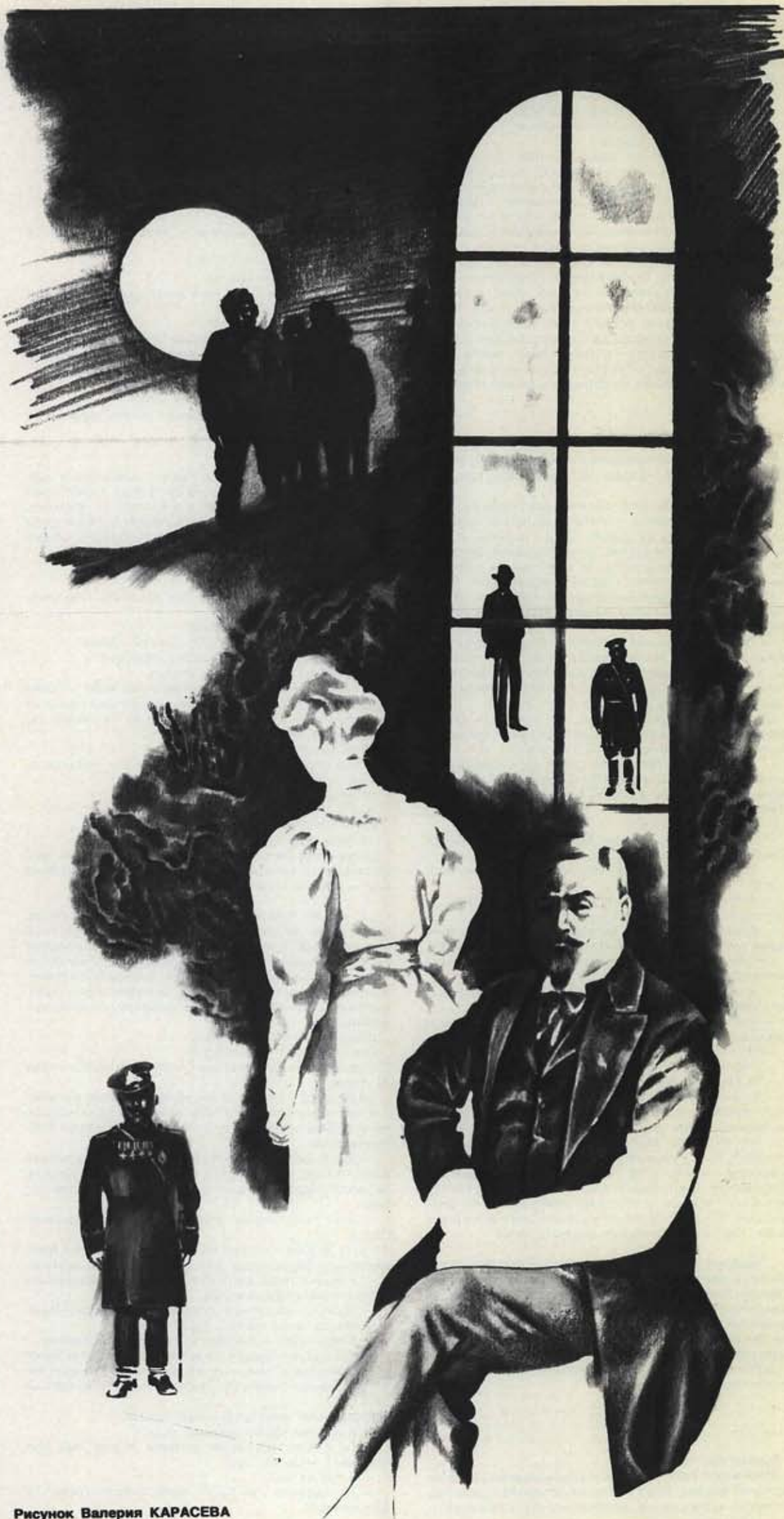

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

— Денег у нас нет,—ответил Дзержинский.—Но они придут, не думайте. Мы уплатим вам.
— Сколько человек будет работать?
— Я дам объявление.
— Он даст объявление! А кто пойдет умирать в этот склеп?—Старик вздохнул.—Конечно, пойдет один Норовский. Но за деньги! Понятно?! Я помогу, но за деньги! Жадный Норовский без денег не помогает, потому что у него на шею убогая дочь и четверо внуков-сирот! Или вам не понятно, отчего я такой жадный?!
Норовский отошел к окну, уперся руками в раму.
— Зачем вы пришли?—тихо спросил он.—Мне было так спокойно эти годы... Зачем только вы пришли? Ну, ладно, меня вы уговорили, допустим... А кто станет писать вам? Разве есть еще такие же дураки, как я?!
...Назавтра Дзержинский нелегально перешел границу и вечером снова был в Варшаве...

19

— Чем могу?—спросил старик, приоткрыв дверь.
— Профессор Адам Красовский?—спросил Дзержинский.
— Профессор?—Красовский усмехнулся.—Профессор—это когда человек учит. А я лишен такой возможности. Я лишен права говорить по-польски, не то что учить... Вы кто? Студент?
— Каторжник,—ответил Дзержинский.
— Политик?
— Естественно...
— Социалист?
— Социал-демократ.
— Я представляю национальную демократию, с вами, простите, дел иметь не могу...
— Отчего так?
— Оттого, что сердце мое разрывает трагедия польской культуры, а для вас это вторично; дети наши тайком говорят на родном языке, а вас что волнует: «товар—деньги—товар»? И все тут!
— Тише, пожалуйста... Вы позволите к вам войти?
— Разговор у нас не получится.
— Вам стыдно пустить меня в квартиру?
— Кого мне стыдиться?
— Тех, кто тайком говорит по-польски. Ибо тайком говорят на нашем с вами языке нищие дети-рабочие и холопы дети—ваши, верно, имеют гувернеров! Вам следует стыдиться того, что думаете о себе лишь и себе подобных—сытых! А о миллионах голодных и бесправных поляков думаем мы, которые «товар—деньги—товар»!
— У моих детей нет гувернеров! Я сам их учу языку!
— А кто будет учить нашему языку детей рабочих?! Отцы?! Они им хлеба-то дать не могут! Они хоронят каждого пятого ребенка—чахотка, рахит, дифтерия. А национальные демократы страдают по поводу трагедии культуры... Накормить сначала надо, накормить миллионы, а не накормишь, потому что у народа нет прав. Товар—деньги—товар... Не думал я, что Адам Красовский из породы интеллигентных страдалцев...
Повернулся, пошел по лестнице вниз.
— Стойте,—окликнул Красовский.—Не надо так... Пропустил Дзержинского в кабинет, хмуро сказал:
— Слушаю вас...

Дзержинский оглядел стеллажи, заставленные книгами, стол, заваленный рукописями; маленькую, чуть не детскую кровать, покрытую заплатанным пледом, вздохнул:
— Не вы меня должны слушать, а я вас...
— Э!—Красовский махнул рукой.—Ощущаю время, а это горько. Перестаю понимать, что необходимо людям...
— Правда,—коротко ответил Дзержинский.
Дверной звонок дренкнул тихо, но Красовскому он показался особым, тревожным, громким. Дзержинский поднялся, мягко ступая, подошел к окну, выглянул осторожно из-за портьера: улица пуста, однако возле парадного подъезда стояла пролетка.
— Черный ход в квартире есть?—спросил Дзержинский.
— Пойдемте.
Красовский провел его на кухню, открыл маленькую дверь.
— Спускайтесь во двор, там есть выход на Маршалковскую.
— Я подожду здесь.
— Дверь за собой прикройте,—посоветовал профессор, прислушиваясь к тому, как звонок дзинькнул второй раз.—Если пришли те люди, которым верю, я вернусь за вами.
Он вернулся через минуту.
— Выходите, пожалуйста, это Шаплинский...
— Игнатию Шаплинский? Художник?
— Да, да, не опасайтесь.
— Я достаточно люблю живопись, чтобы не опасаться Шаплинского.
— А я, видите ли, необычно перетрусил... Хорохоришься, хорохоришься, а когда постучат в дверь, сразу руки холодеют...—вздохнул Красовский и пропустил Дзержинского в кабинет.—Извольте знакомиться, господа...
Шаплинский поклонился, пылливо разглядывая худого зеленоглазого молодого человека в черном костюме с красиво повязанным жабо.
— Доманский. Юзеф.
Красовский пояснил:

— Революционер. Агитатор против царизма.
— Меня агитировать против царизма не надо,—заметил Шаплинский,—пана Красовского тоже. Но замахиваетесь вы на невозможное. Все сейчас думают одинаково. Неужели вы и впрямь верите, что можно изменить существующее? Каким образом? Все мы едины во мнении, но ведь открыто никто не решается сказать—в Сибирь за это...
— Так ведут себя те, которым есть что терять,—ответил Дзержинский.—Рабочий, которому терять нечего, говорит. Но говорит неумело, нескладно, ему помочь надо—за этим я и пришел сюда из Кракова. Надо помочь рабочим.
— Как?—спросил Красовский.

Художник закурил, пожал плечами:
— Неужели не понимаешь, Адамек? Надо, чтоб ты облек.
— Не только это, не только помощь в обработке корреспонденции,—сказал Дзержинский.—Нам, например, было бы крайне дорого получить статью о проблеме народного образования в Польше, о том, отчего детям запрещают изучать родной язык, а писателям—сочинять стихи по-польски.
— Я не совсем понимаю,—задумчиво произнес Красовский,—как следует писать для вашей газеты. Я привык работать для академических немецких журналов, рассчитывая на подготовленную аудиторию. Не хочу подставляться под удар коллег.
— Подставляются в играх,—жестко ответил Дзержинский.—В литературе, как и в революции, нельзя подставляться. Здесь гибнут: одни для того, чтобы остаться навечно, другие—чтобы исчезнуть.
— Когда нужна статья?—спросил Красовский.
— Завтра.

20

Министр Плевэ долго рассматривал первый номер новой социал-демократической газеты «Червоны Штандар». Потом он Шевякова и Глазова обсмотрел так, словно впервые встретил:
— Это что ж такое, а? Вы за что деньги получаете?! За охрану Привислинского края?! А революционеры газету стали выпускать! Это что ж такое?—Плевэ схватил «Червоны Штандар» и помахал им перед лицом офицеров охраны.—Что это такое, я спрашиваю? Ленинской «Искры» мне мало? Так теперь еще «Червоны Штандар» Дзержинского по вашей милости читать?
— Ваше высокопревосходительство, извольте выслушать,—начал было Шевяков, но Плевэ не сдержался и, побавровев, закричал, вскочив:
— Молчать! Я наслушался, со всех сторон наслушался! Опустившись в кресло, министр расстегнул верхнюю пуговицу на френче, почувствовав сильное головокружение и слабость.
— Ваше высокопревосходительство,—Глазов чуть подался вперед,—я позволю себе...
— Молчать!—теперь уже Шевяков гаркнул.—Вы отвечаете за типографию, Глазов, а мне за вас красней!
Плевэ прикрыл глаза рукой, сказал тихо, с трудом:
— Чтоб газеты этой не было в Польше. Ясно? Вы свободны!
Когда офицеры ушли, Плевэ снял трубку телефона:
— Откомандируйте немедленно Гартинга в Австро-Венгрию, пусть он там займется газетой Дзержинского.

21

— Господин Гартинг?—осведомился лощеный австрийский чиновник с мертвой улыбкой, при бантике, платочке и с перстнями, возрастом совсем еще юноша.—Генерал Пу Валерштайн приглашает вас. Прошу.
Генерал поднялся навстречу Гартингу, обменялся рукопожатием, спросил сухо:
— Чем обязан?
— Генерал, я уполномочен передать вам вот это.—Гартинг достал из кармана перламутровую плоскую коробочку, раскрыл ее—блеснул бриллиант.—Дружеский сувенир, свидетельствующий о нашей глубокой вам благодарности за воистину дружескую помощь, которую нам оказывают службы австро-венгерской полиции.
Генерал подарок принял, быстро мазнув глазом дверь, сунул коробочку в ящик стола, запер особым ключиком.
— Благодарю. Тронут. Что у вас стряслось?
— У вас, в Австро-Венгрии, в Кракове, начала издаваться анархическая газета «Червоны Штандар». Без любезной помощи вашего превосходительства мы не сможем предпринять соответствующие шаги для пресечения издания, инспирированного террористами.
— Это все?
— Да, генерал. Вот оттиск «Червоного Штандара».
— У меня уже есть второй номер.—Генерал достал его из папки.—Честь имею, господин Гартинг. Я продаю вашу просьбу и о результатах не премину поставлю в известность.

22

Шевяков сказал Гуровской сухо:
— Елена Казимировна! Все это время вы отдавали нам то, что мне и без вас известно было. А Ноттен успел имя себе

создать, в громкие писатели вышел с моей и вашей помощью. Но в его типографию отчего-то Дзержинский не идет, и если вы мне сейчас же не отдадите адрес Грыбаса, куда Дзержинский привозит оттиски своего «Червоного Штандара» из Кракова, я сейчас же Ноттена заарестую и отправлю на каторгу—улики налицо.
— Вы этого не сделаете.
— Сделаю. Клянусь честью, сделаю.
— Хорошо. Я дам адрес, но арестуете вы Грыбаса через неделю после того, как я уеду из Варшавы, вы же не хотите меня провалить?
— Уговорились.
Гуровская стремительно записала адрес, протянула его Шевякову и вышла...
...А пошла она на почту, взяла конверт, листок бумаги и написала печатными буквами: «Мацей, твоя квартира провалена, срочно уходи. Доброжелатель».
Купила три красивые марки, наклеила, опустила в ящик...
Почтальон сунул конверт с лебедями в щель между дверью и косяком домика Грыбаса. А мальчишка, что на улице играл, эти марки увидал, залюбовался, взял воровато и убежал, как он иначе, нищета варшавская, такие марки заполучит?!
23
Грыбас оглядел рукой листы «Червоного Штандара», переданные Дзержинским, позвал Мечислава Лежинского из второй комнаты, где гремел гектограф:
— Срочно с этого в набор. Наша газета—смотри! Первая настоящая газета!—Грыбас улыбнулся.—Это страшней сотни бомб, это на каторгу не сошлешь, не повесишь!
— А это,—Дзержинский достал из кармана несколько узеньких листов бумаги (он писал обычно на таких),—о стачке на Домбровских шахтах. Разберешь почерк?
— Разберу любой почерк—был бы материал.
— Хорошая стачка?—спросил медлительный, увалистый Мечислав.—Надо, чтоб все как один, а то пошумят в углах и разойдутся.
— Скорей печатай материал,—ответил Грыбас,—тогда не разойдутся, потому что будут знать, что делать.
Мечислав ушел к гектографу; Дзержинский отвалился к стене, смежил веки.
— Хочешь поспать?—предложил Грыбас.—Вздремни часок, я разбужу.
— Как с деньгами?—не открывая глаз, спросил Дзержинский.
— Деньги кончаются. Надо рублей двести хотя бы.
Дзержинский слабо усмехнулся:
— Хотя бы...
Он поднялся, протянул руку Грыбасу, попросил:
— Я вернусь через месяц, заберу твои материалы. И постараюсь достать денег.
Вскоре после ухода Дзержинского дом, в котором была оборудована типография, окружили жандармы. Услышав стук в дверь, Грыбас все понял. Он сказал Мечиславу:
— Беги через окно! Огородами!
Дверь соскочила с петель. Грыбас услышал звон разбитого стекла, свистки городских, крики, щелчки ганганных выстрелов; отскочил назад, хотел было прыгнуть следом за товарищем, но кто-то из жандармов набросился на него сзади, он повернулся, выстрелил в упор, ощутил запах паленого, испугался этого близкого страшного запаха, замер на мгновение.
Это его и погубило; обвисли на нем трое жандармов, бросили на пол, выломали руки, рот заткнули кляпом, выволокли во двор и бросили на грязный, затоптанный сапогами пол пролетки...
Дзержинский сошел с поезда в Лодзи. Светало.
«Я похож на ночную птицу,—подумал он о себе.—Как филин. Надо бы хоть раз выспаться как следует. А то можно сорваться ненароком. Или сделать какую глупость».
На яву он шел машинально, не глядя на дома и улицы. Он мог бы идти с закрытыми глазами.
Дзержинский остановился, оглянулся тайком: рассветная улица была пуста, филеры за ним не топали.
Поднимаясь на третий этаж, он заставил себя внимательно прочитывать дощечки, на которых были написаны фамилии жильцов, и сосредоточенно считал количество ступеней на пролетах.
Остановившись перед дверью конспиративной квартиры, Дзержинский покачал головой: в замке торчал массивный ключ.
Он постучал осторожно, едва прикасаясь костяшками пальцев к дереву, красному белой краской. Дверь открылась сразу же, будто кто стоял там, в квартире, положив руку на защелку. Дзержинский увидел лицо дворника, а за ним, в прихожей, жандармов. Ухватившись рукой за бронзовую, с купидончиками ручку, накрепко приделанную к барской двери, он хлопнул так, что гулко ухнуло в подъезде, быстро повернул ключ в замке, вытащил его, сунул в карман и бросился вниз, преследуемый криками жандармов...
На улице ощутил жар. В глаза словно песку насыпали. Он прислонился спиной к стене и стоял так несколько мгновений, переводя дыхание.

Продолжение следует.

Рисунок Анатолия ФИНАГИНА.

Рисунок Николая АЛЕКСАНДРОВА.

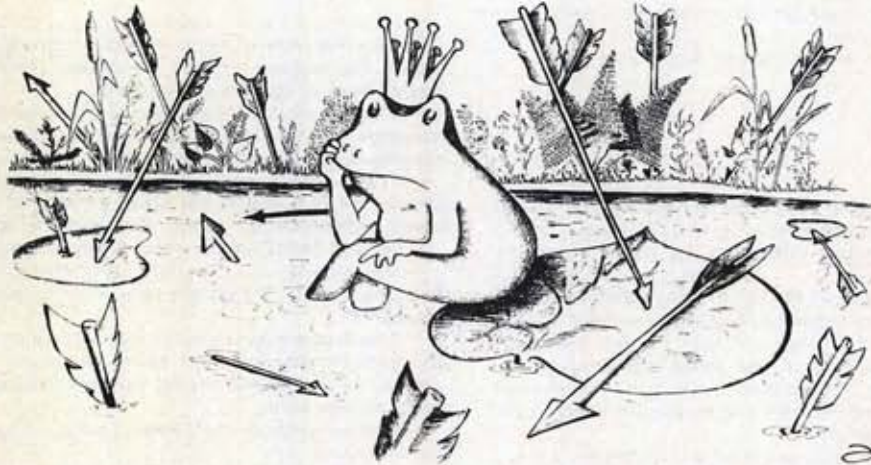

Рисунок Леонида ТИШКОВА.

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

НА СМЕНУ ГРОССМЕЙСТЕРАМ

Большой интерес вызвал проведенный в этом году в Москве командный шахматный турнир Вторых Всесоюзных спортивных игр молодежи. Соревновались 17 команд — от всех союзных республик, Москвы и Ленинграда. В каждом коллективе играли четверо юношей и две девушки не старше 19 лет. Среди тех, кто вышел на старт, были Майя Чибурданидзе из Тбилиси, участница личного первенства мира среди женщин, уже выполнившая гроссмейстерский норматив, мастера спорта Нана Иоселиани, землячка Майи, Борис Таборов (Киев), Леонид Зайд (Львов), москвичи Сергей Долматов и Артур Юсупов, ленинградец Александр Ермолинский, Андрей Харитонов из Иванова и многие другие — всего 102! — перспективные юные шахматисты из разных городов нашей страны.

Напряженная борьба изобилвала неожиданностями. К их числу следует, например, отнести результаты сборной Украины: победа над сильной командой Москвы с редкостным счетом 5,5:0,5 и крупное поражение во встрече с грузинскими шахматистами — 1,5:4,5! И таких сюрпризов было немало. В итоге золотые медали завоевали ребята из Грузии, «серебро» досталось команде Украины, а «бронза» — юным москви-

чам. Почетного права участвовать в главном финале этих ответственных соревнований добились еще три команды — Азербайджана, областей, краев и автономных республик РСФСР, а также Ленинграда.

О том, как талантливо играет наша шахматная смена, свидетельствуют многие содержательные и боевые поединки. Вот несколько запоминающихся фрагментов.

К этой довольно острой позиции пришли после 26-го хода белых Чибурданидзе (у нее были черные) и Рая Эйдельсон из Белоруссии. Энергичным выпадом слона черные вызывают серию разменов, которая переводит игру в русло выгодного им окончания.

26. ... Сe7—h4! 27. Ce2—g4 Лf4:f2 28. Лf1:f2 Ch4:g3 29. Cg4:e6 Cg3:f2+ 30. Kpg1:f2 Лa8—f8+ 31. Kpf2—g1 d5—d4!

А сейчас стремительным маршем проходной центральной пешки и умелой перегруппировкой фигур черные быстро добиваются успеха.

32. c3:d4 e5:d4 33. Ce6—b3.

d4—d3 34. Ka5—c4 Kc2—d4! 35. Kc4—d2 Ce4—c6 36. Cb3—c4 Kd4—e2+ 37. Kpg1—h2 Лf8—f2, и белые капитулировали.

Эффективной тактической находкой поразил воспитанник ботвинковской школы Гарик Каспаров (Азербайджан), игравший черными в партии с Яном Эльвестом (Эстония). На диаграмме изображено положение, создавшееся после 35-го хода белых. 14-летний бакинец, несмотря на нехватку двух пешек, искусно переигрывает противника.

35. ... Фc3—c2+ 36. Кре2—f1 Фc2—d3+! 37. Kpf1—g1 Лf8—g8! Противостояние ладьи на одной вертикали с неприятельским ферзем и королем почти всегда чревато для последних неприятностями.

38. Ca3—g5 Фd3:d5 39. Лb7:g7 Лg8:g7 40. Cg5—f6 Фd5—d1+, и черные отпраздновали удачу. Перед вами напряженная ситуация, сложившаяся после 20-го хода белых во встрече москвича Сергея Соколова (он играл черными) с Григорием Лехтом из Молдавии. Черные красиво пожертвовали ладью с целью развернуть

атаку на короля партнера по диагонали a8—h1.

20. ... Cc8—b7! 21. b4—b5. Белые заметили, что взятие ладьи повело бы к безрадостной для них позиции. Скажем, 21. Ф:d4 Фc6 22. f3 Ф:f3 23. Ле2 Лd8! 24. Фе3 Фh1+ 25. Kpf2 c2!, и угрозы черных неотразимы. Теперь же черные смело жертвуют качество, в результате чего их дуэт активных слонов и опасная проходная пешка на поле «с3» ставят перед соперником неразрешимые проблемы.

21. ... Лd4:c4! 22. Cf1:c4 Fe7:c4 23. Фе3—e2 Фc4—d5! 24. f2—f3 Лa8—c8 25. Ле1—f1 Фd5—c5+ 26. Kpg1—g2 Cb7—d5 27. Лf1—f2 Фc5—a3 28. Фе2—c2 h7—h6 29. h2—h4 Фа3—c5 30. h4—h5 Фc5—c4 31. a2—a4 Ce7—c5!, и черные легко реализовали свое преимущество.

Такое положение создалось в поединке Рашида Габдрахманова (сборная РСФСР) с ленинградцем Леонидом Юрасиным после 16-го хода белых. Шахматист из Казани, игравший черными, ради атаки на королевском фланге не побоялся обострить борьбу.

16. ... Фd8—g5! 17. Фb3—b5+ Лc8—c6. 18. g2—g4 f5:g4 19. h3—h4.

Белые хотят поймать партнера в ловушку 19. ... Ф:h4? 20. Ф:b7!, но она чересчур проста. В свою очередь, черные, не желая испытывать судьбу своего плохо защищенного короля, отказываются от взятия качества.

19. ... Фg5—d8! 20. Фb5:b7 Лc6—c7 21. Фb7—b5+ Кре8—f8 22. Kpg1—g2 Kpf8—g7 23. Лf1—h1 Kpg7—h8! 24. Фb5—e2 f7—f6 25. Ke5—d3 Фd8—d6 26. Ла1—g1 e6—e5! 27. Фе2—e3 Лc7—c4 28. d4:e5 f6:e5 29. Kpg2—f1 Лc4—c7 30. Kpf1—e1 Лc7—f7 31. Лg1—g2 Лf7—f3!, и белые после недолгого сопротивления сдались.

ПРАВИЛЬНО РЕШИЛИ

Задача-шутка великого русского шахматиста А. Алехина, помещенная в № 17 «Смены», вызвала многочисленные отклики читателей. Приводим краткое решение — 1. f2—f3 e7—e5 2. Кре1—f2 Фd8—f6 3. Kpf2—g3 Фf6:f3+ 4. Kpg3—h4 Cf8—e7x.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18/VIII 1977 г. А 09284. Подписано к печати 2/IX 1977 г. Формат 70x108¹/₈. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 2232. Заказ № 1043. Ордена Ленина и ордена Октябрьской революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ХОККЕЙНАЯ СБОРНАЯ: КАКОЙ ОНА БУДЕТ?

Редакция ознакомила меня с письмами, присланными любителями спорта в журнал и адресованными мне, как новому старшему тренеру сборной Советского Союза по хоккею.

Видимо, каждый поклонник хоккея имеет свою версию, свое объяснение неудачи нашей сборной в Вене, имеет какие-то соображения о том, кто мог бы усилить команду. Хотел бы отложить ответы на вопросы, задаваемые мне читателями. Может быть, пока сами любители хоккея выскажут свои предложения о составе команды, расскажут о молодых одаренных хоккеистах, которые, по их мнению, уже стучатся в двери сборной. Ну, а я потом, скажем, в декабре или январе, взялся бы прокомментировать состав команды, «сформированной» читателями, мог бы, очевидно, что-то рассказать о работе сборной.

Итак, ваш состав главной команды страны?

Виктор ТИХОНОВ,
старший тренер сборной СССР по хоккею

ОТ РЕДАКЦИИ. Письма о составе нашей команды, о принципах подбора игроков мы просим отправлять в редакцию до 1 декабря 1977 года. Пятнадцать читателей, первыми приславшие состав команды, которая отправится на пражский чемпионат мира, будут премированы: пять получат ключки и десять — фотографии сборной с автографами хоккеистов.

КРОССВОРД

Составил А. ДАНИЛОВ,
Белая Калитва,
Ростовской обл.

По горизонтали:

5. Олимпийская чемпионка мира по фигурному катанию. 6. Дикая роза. 9. Художественный музей Ленинграда. 10. Материк. 11. Русская мера расстояния. 12. Столица южноамериканского государства. 17. Остров у побережья Италии. 20. Кондитерское изделие. 22. Определенный порядок, организация процессов. 23. Здание для кратковременного проживания. 24. Пьеса В. Н. Билль-Белоцерковского. 25. Рассказ А. П. Чехова. 27. Государство в Южной Америке. 29. Надпись на медалях, гербах. 30. Старинное метательное оружие. 31. Русский скульптор XIX века. 35. Герой музыкальной драмы Р. Вагнера. 37. Государство в Вест-Индии. 38. Советский космонавт. 39. Проверочное испытание. 40. Трагедия Софокла. 41. Зодиакальное созвездие.

По вертикали:

1. Архитектурный стиль. 2. Чешский композитор. 3. Горная система в Азии. 4. Металл. 5. Советский писатель. 7. Областной центр в РСФСР. 8. Автомобиль. 13. Русский архитектор XVIII века. 14. Город на острове в Финском заливе. 15. Одна из петербургских повестей Н. В. Гоголя. 16. Поощрение за отличия, заслуги. 18. Река в Северной Америке. 19. Специалист по вождению судов, самолетов. 21. Русский народный инструмент. 22. Площадка для театральных представлений. 26. Декоративное древесное растение. 28. Композитор, автор симфонии «Героическая». 31. Способ переработки нефти. 32. Персонаж повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». 33. Оркестровый инструмент. 34. Автономная советская республика. 36. Творческий коллектив театра.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 18

По горизонтали:

5. Оломоуц. 6. «Поцелуй». 9. Коменский. 12. Клеть. 13. Швейцария. 14. Новак. 15. Фуяр. 17. Дуды. 19. Амперметр. 22. Люцифер. 25. Фучик. 26. Нитра. 28. «Татра». 29. Красава. 30. Ржигова.

По вертикали:

1. Словаки. 2. Сухонь. 3. Добыча. 4. «Русалка». 7. Немцова. 8. Острава. 10. Неруда. 11. Неядлы. 16. Радмила. 17. «Дротарь». 18. Арфистка. 20. Скрипка. 21. Комарно. 23. Душек. 24. Прага. 26. Незвал. 27. Анежка.

«АРТЕК» ПЕРЕДАЕТ ЭСТАФЕТУ ГАВАНЕ.

ДЕТИ РАЗНЫХ НАРОДОВ.

Главным событием фестиваля стало приветствие его участникам Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева. Оно было оглашено на торжественном открытии фестиваля в Кремлевском Дворце съездов.

В гостеприимной столице посланцы детских и юношеских организаций 102 стран мира совершили экскурсии на промышленные предприятия, побывали на ВДНХ СССР. Тепло принимали их в подмосковных пионерских лагерях. А затем поезд дружбы доставил ребят к Черному морю...

Восемь дней горел фестиваль огонь в «Артеке». В солнечной пионерской республике состоялись массовые детские шествия и манифестации, работали международные детские клубы, выставки детских рисунков, плакатов, фотографий.

Утром от яркого солнца «Артек» зажег костры мира. И целый день гремели над лагерем песни, звенел пионерский горн. Ребята со всего мира купались в ласковом море, ходили походами на Медведь-гору, соревновались в плавании, водили хоры вокруг Нептуна, в котором, конечно же, узнавали своего веселого вожака...

Игорь АФАНАСЬЕВ.
Фото Юрия УСТИНОВА.

Костры мира

«Люди земли!

Мы обращаемся к вам с призывом:

Сделайте все, чтобы никогда и нигде не рвались бомбы и снаряды, чтобы все дети ходили в школу, не знали голода и нищеты, чтобы у них не отнимали родину, близких, детство, чтобы мир стал лучше и справедливее.

Пусть всегда будет солнце!

Пусть всегда будет мир!»

Это слова из обращения участников Международного детского фестиваля «Пусть всегда будет солнце!»

Предложение провести Международный детский фестиваль было высказано на XVII съезде ВЛКСМ и получило горячую поддержку прогрессивных, демократических молодежных организаций мира.

Знаменательно, что первый фестиваль открылся в Москве, в столице первого социалистического государства, в канун его славного юбилея, в дни всенародного обсуждения проекта новой Конституции СССР, в котором отражена неустанная забота партии и правительства о наших детях.

«Друзья детей» — так назывался на фестивале клуб, в котором встречались взрослые — руководители детских и юношеских организаций, почетные гости. Один из них, доктор из США Бенджамин Спок, сказал: «Я убежден: наш общий долг — бороться за уважение в детях личности. Дети не должны знать страха... Дети, как и все взрослые, должны учиться общению. На фестивале в Артеке присутствовало всего 32 юных американца. Я бы привез сюда все 32 миллиона американских ребят».

Медленно опускался голубой флаг фестиваля. Медленно угасал фестиваль огонь в огромной чаше над морем. 312 часов длился фестиваль. За это время на планете родилось 2 миллиона 703 тысячи детей. Ради счастья, ради светлого будущего всех, кто родился и будет рождаться, и проходил этот фестиваль детей.

Фестиваль закончился, и, как эстафету, передал он XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Гаване призыв юного поколения к своим старшим братьям и сестрам — крепить дружбу и солидарность!

ПРИЗЕРЫ МАЛОЙ ОЛИМПИАДЫ.

КОНКУРС ПЛАКАТА.

ГЛАДИС МАРИН С ПИОНЕРАМИ ГДР.

